

смена

№ 17 СЕНТЯБРЬ 1969

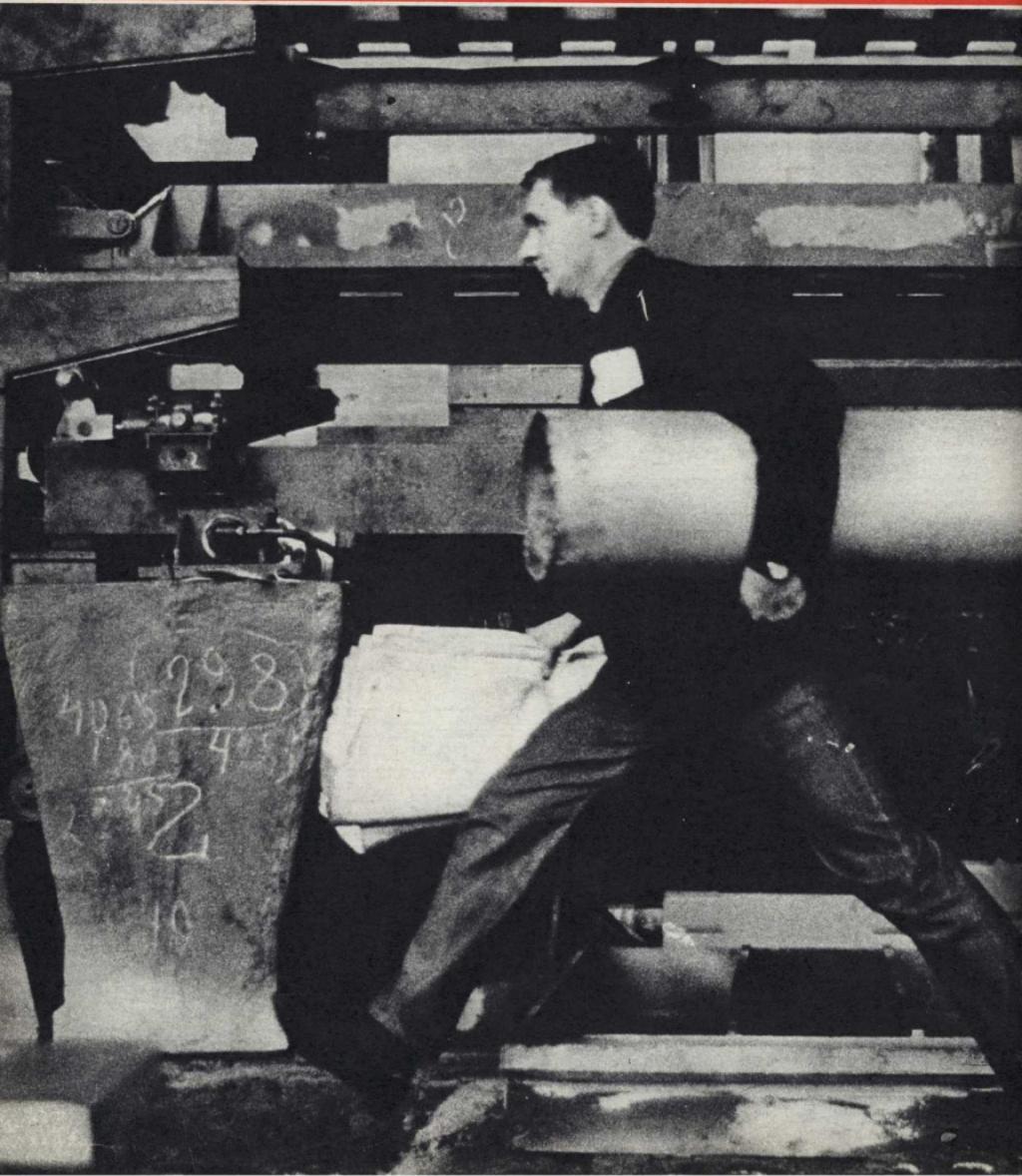
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ДЕСЯТЫЙ
ШАХМАТНЫЙ
КОРОЛЬ

**Пятилетка—
мастерство и
поиск молодых!**

МАСТЕР СРЕДИ

МАСТЕРОВ

Юрий РЫТОВ,
Сергей ПЕТРУХИН (фото)
Специальный
корреспондент
«Смены»

Старшего мастера сборочного цеха «Уралмаш» Владимира Кондратьевича Вожагова в отскак в одном из пролетов. Он занимался кантонной обработкой цилиндрической детали. Операция эта — подъем и погружение детали — считается на «Уралмаше» достаточно ответственной и требует непрерывного пристального наблюдения. И вот в этот момент присутствовал — он работал.

Владимир освободился. Мы пошли в кортору.

— Ничего, что я так быстро хожу! — спросил он по дороге. — Иначе у нас нельзя: многое не наработано.

Владимиру 28 лет, он инженер. В его портфеле 95 рабочих, в числе которых 24 комсомольца.

В конторе никого не было. Два старых письменных стола, пять стульев, телефон. И ни единой бумажки на столах. По всему видно, что мастер здесь сидит редко. И Володя подходит для его рабочего места в приличии, как для места сборки...

Но неужели, как на манекене, мастер лично вмешивается во все процессы сборки, сам работает руками? Неужели он обладает таким сноровкой, что может не только сказать бочечку, что нужно делать, но и показать как?

— Конечно, — сказал Владимир. И он привел вспоминания слова Серго Орджоникидзе, обращенные к молодым специалистам: «Надо знать, чем командуешь...» — советовал Серго. — Когда инженер все сам может делать, его авторитет неизмеримо укрепляется...»

Владимир убежден, что эти слова справедливы ины. Авторитет и способность пользоваться опытом из своих предшественников, его нужно зарабатывать самому. Инженерия эрудиции проявляется прежде всего на практике. А где практика? Конечно же, в цехе, у металла, подобно тому, как практика конструктора — в КБ, чертежами. А главное — дело идет быстрее, если приложите к нему собственные руки. Однако не так все просто...

— У нас есть сборщики, — продолжал Владимир, — показать, которым мне нечего; они все сделают лучше меня. Есть и такие, которые работают похоже, но и они кровно обидятся, если кто-нибудь встанет на их место. Сборщики умеют делать специальность. Это не просто работы, это призвание. Вы только подумайте: вся заводская машина работает на сборку, и план завода, в сущности, наш план.. Чувство ответственности развито у сборщиков в высочайшей степени. У нас нет случайных людей, инвалидов, ведь все, что там делают, — это профессионалы. Это не просто работа, это нужно считаться. И когда в них приобретают по должности, помогаютbrigade, все происходит, так сказать, на равных — просто, естественно, для пользы дела...

Не знаю, были ли эти мысли давно продуманы, или Владимир высказал их впервые, но это неизгладимая производственная философия покорилась мне чрезвычайно симпатично. Мастер среди мастеров!

Хлопотная, многосложная должность у Владимира Вожагова: он мастер цеха.

Пролетариев всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛITERATURNO - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 17 (1015)
СЕНТЯБРЬ
1969

Наша обложка: чемпион мира
по шахматам Борис Спасский.

Фото Виктора САККА

ПРИГЛАШЕНИЕ НА «УРАЛМАШ». Фотоочерк о человеке, который должен уметь все...

«ПРИМЫКАЮЩИЙ ГРАЖ- ДАНИН». Его происхожде- ние и лицо Размышают писатель из Казани Диас Валеев.

КРУГОЗОР СОВРЕМЕН- НИКА: «БЕГ ВРЕМЕНИ». Академик Н. И. КОН- РАД — о роли историче- ской науки.

КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМ- ЛИ: «ЗАПОВЕДНИК ПЕ- СТРЫХ ГОР». Рассказ о месте, где живет синяя пти- ца.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

«ЛЕНИН И СОВРЕМЕННОСТЬ»: СЛОВО АКАДЕМИКУ А. Д. АЛЕКСАНДРОВУ

ЧЕЛОВЕК ПОКИДАЕТ СПОРТ... ОЧЕРК О ВЫДАЮЩЕМСЯ СОВЕТСКОМ КОННИКЕ

СОЗДАНИЕ ИНТЕРФЕРОНА — НОВАЯ ПОБЕДА СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ НАД ВИРУСОМ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Г. М. Гусев, Е. А. Долматовский, К. Н. Замошник, Р. Ф. Захарова, А. П. Купешов, А. С. Лавров, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], Е. И. Рыбников, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник]

Художник О. Теслер

Технический редактор Н. Будкина

...Сборочный цех «Уралмаша» огромен, и потому детали в человеческий рост легко вписывались в габариты ролеты, изящно поблескивая на стенах свежеобработанным металлом... Дверное, потому и движения рабочих стендов кажутся странно замедленными, не подчиненными привычному с большом машиностроительном зале ритму.

Впрочем, не только потому, «Уралкалий» (а стало быть, и его сооружения) знаменует не только производительность, но и новую, разнообразную и, наверное, неповторимую. Каждый агрегат, каждая машина — механизм — будь то мощный экскаватор или уникальный прокатывающий стан, нефтебуровая установка, штамповочный пресс, гидравлический пресс — имеет собственный, индивидуальный «климат». Будущий производственный «климат» полностью определяет их конструктивные формы и особенности. И даже сейчайные машины часто меняют свой блеск: как говорят на заводе, конст-

Теоретически его обязанности не так уж сложны.

Мастер руководит мастерами — кадровыми рабочими, знатачками своей профессии, испытанными, проверенными, заслуженными. Такие люди не нуждаются в мелочном контроле, наездных подсказках, покуныханиях типа «дядя-авай». Есть технологические карты сборки, есть нормы на каждую операцию. Объяснил задание бригаде — и пошла работа...

Разумеется, на практике дело обстоит настолько сложнее.

Мастер — это учитель, но часто и он становится учеником рабочих «профессоров».

Владимир Вожагов считает, что мастер всегда должен быть на уровне самых высоких технических знаний.

— У каждого рабочего, — объяснял Владимир, — свои почёты. Одни прекрасно делают резьбу, другой — разводку масла. Третий быстрее работает утром, зато лучше чистит кирзовую обивку. Мастер должен все это знать. Даже настроение людей. Даже как влияет на это настроение игра футбольистов «Уралмаша». Словом, мастер должен иметь вести типовой производственный процесс соответствующим по-драному...

поступила и увидел «сез», немедленно принимается решением перебросить рабочих на другую зону. Поэтому после «оперативки» Владимир снова занятой становится складом.

Обедает он намного позже, чем все остальные. Когда здешний захватчик, он уединяется в котироре и просматривает чертежи.

И в течение всего дня в цехе в котироре, на «оперативке» в мастерской он не сидит. Скорее, он сам идет к ним и ту же задачу: как приспособить производственный процесс и конкретные возможности людей.

— Задача очень сложная, — говорит Валерий, — она сейчас техники много не требует. Сложна технология, но не сложна методика операции, огромно количество времени, менеджмента и усилий. Потом приходит сама технология, поддающаяся настройке, настройка рабочего, чтобы решить такую задачу, — моя задача как инженера-программиста — это не производство, сейчас, например, ребята приводят в действие машины, а я — это инженер-программист, я предвижу, где может произойти заминки, и минуту через пятнадцать я уже могу сказать, что произошло. Итак, основы основ: четкий, понимчивый и эффективный ритм сборки, инструкции для сборщиков-мастеров работают и они не подведут.

Ну, а что же делать с молодежью, которая не имеет опыта работы с машинами, не имеет даже базовых технических знаний? Недавно попавшим в цеха ответ на этот вопрос был прост: воспользоваться услугами специальных курсов по техникуму, наставлениями, советами... — демон. Пренде же, что в этом случае неизбежно возникнет проблема: А как же в этом случае организовать производство, если нет рабочих?

Чему, действительно, научатся новички?

чок, если работа делится на «выгодные» и «невыгодные» на зарплату, то можно усреднить и наложить фиктивную, сколько-нибудь хорошую, отношения начальства; если период продолжительной раскачки сменяется бурным азартом и даже признанные асы в погоне за количеством жертвуют качеством?

Когда же дело поставлено нормаль-

но, «посвящение» в мастера происходит достаточно быстро, хотя и не безболезненно. К этому вынуждает вся атмосфера заводской жизни, все написанные заповеди кодекса рабочей чести.

«Однажды в бригаде Николая Ивановича Жданова, находившейся под руководством Виктора Ефимова, произошло, скучно, некточко, словно отбываючи повинности. Что с ним случилось, никто не мог сказать. Несколько раз я пытался поговорить с рабочим, но он, получив один и тот же неприметный ответ, досадливо покрасел. Бригада хорошо шла, дружной, крепкой, и паренек не плохой, грамотный, учился в техникуме. Но вдруг он исчез. Куда же он, член коми дела? И однажды, когда Владимира Дмитриев, как работает бригада, я спросил его, что же это за рабочий был, заявив прямую маскитную орбиту образованные операции? Да, бригада хоронила, а другущая на ее «сферах» делала пускавшие серпинки. Конструкции не хотят, кстати, к тому же давним-давно изменились. Планы уничтожения укушены, инициатива исчезла. Может быть, потому и случает Яичко?

Единственным путем — перевести инченко в другую бригаду. Но кто согласится его взять? Владимир перегородил с ребятами, занятыми на сборке прокатного оборудования (пожалуй самая интересная работа в цехе, сейчас здесь нет, все заказы индивидуальные).
— Скучно? — удивился бригадир.

А у нас здесь что, набаре? Нет, не возьмем, пусть ищет развлечения в другом месте.

Шло время, а картина не менялась.

И тогда Владимир сам пришел к бригадиру. Он предложил рассчитывать Янченко зарплату отдельно от других членов бригады. На сборке бригады

работают по общему наряду. А зарплаты распределяются поровну с учетом разрядов. Для Янченко Владимира хотели сделать исключение.

— «Инерция» сразу кончилась. Сейчас Янченко никто не может представить претензий. Теперь претензии предъявляет он сам.

— Трудная у вас работа, — сказали Романову.

— А разве работа бывает легкой?
Конечно, легкой работы не бывает.

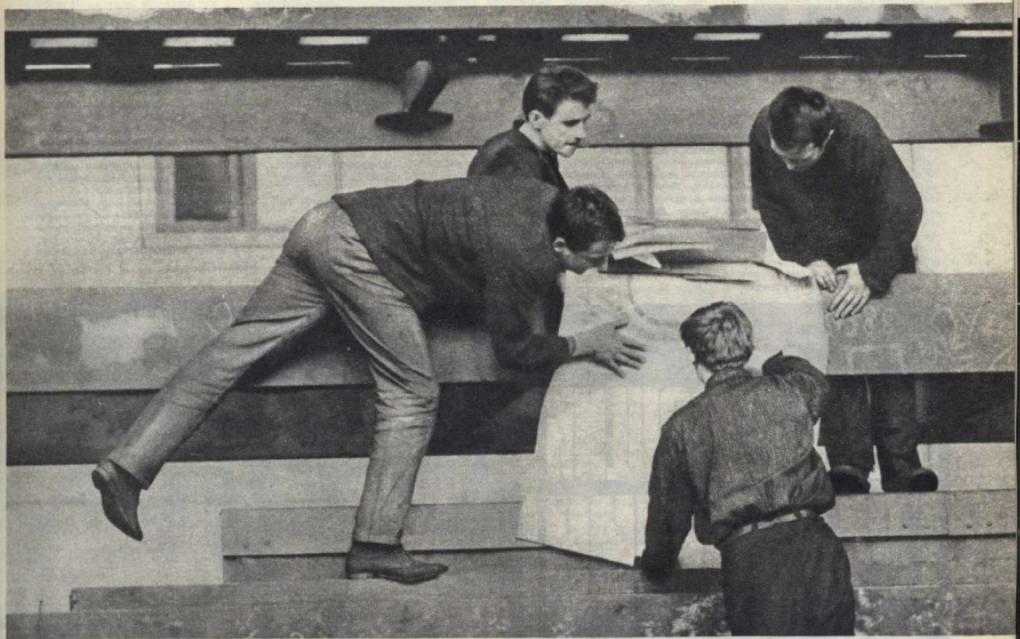
Тем не менее, когда молодому специальному

листву предлагают на выбор цех или

КБ, оно обычно избирает конструкцию, склонную к тому, чтобы гонять на границах «максимумов», гайды, проводящиеся дискуссиями о специфике инженерности труда. Инженер не загружены инженерным делом, инженер выполняет не свойственные ему функции — вот в лейтмотиве. И вывод: отсюда КПД инженерного труда, отсюда творческое выгорание инженерной перспективы. При этом в роли спарапана выступает, как правило, чековая инженер. И я спросил Владимира, удовлетворен ли он своей работой в должности мастера.

ветил так. Конечно, в работе инженера есть определенные издерзкини. Но проблему эту вряд ли решить, так как сказать в централизованном порядке. Каждый инженер должен решить ее сам — для самого себя. Лицо он считает, что творческий потенциал инженера

неря не зависит от сложности и даже от отсутствия текста. Сидите за диктофоном и сибоном с газированной водой, приприте к нему курьера, попейте под головой табаки и вспомните: «Надо писать...», — и тогда начнется творчеством! Нет. Подобному тому, как художники всегда до появления на свет их произведений имели всегда и при всех условиях, должен сохранять способность интуитивно мыслить.

Работа в цехе — это творчество, и мастер обязан помочь каждому понять чертежи до конца.

Он не только профессионал, специалист, инженер. Мастер Вожагов — воспитатель.

«Венчается раб божий...»

Никольская церковь, что на улице Баумана в Казани... Блеск золотых окладов икон. Серебро панцири и подсвечников. Лампады, глядящие у распятого, и ликов святых. В церкви пустынно, тихо. Службы начинялись утром, в воскресенье, со звоном церковных колоколов, разбранных по ближайшим пивным, столовым. Уборщицы дают пол, вытирают подсвечники, снимают восковой нагар. Только в притворе церкви еще толпятся люди. Две пары новобрачных, их родственники да еще несколько старух и стариков. Томятся, ждут. Но вот затянувшееся ожидание разрешается выходом священника. Еще моло-

девушкой, волосы приглажены, лицо узко, энергично. У другого голова лохматится буйной русой шевелюрой, взгляд угрюмее, неподвижнее.

Креститесь — тихонько подскакывает между тем священики.

И каждый из них осеняет себя крестным знамением. Кто знает, может быть, вчера не раз пришлось повторяться перед зеркалом, может, неестественно это уже не давняе имя. Имя, широкое — Семен лоб, потом вина, правое плечо, левое.

— Целуйте.

И каждый тихо прикладывается губами к кресту с распятием.

— Господи, помилуй! Господи, помилуй! — взывают вверх слова молитвы.

— Господи боже наш!.. Призри на

раба твоего Игоря и на рабу твою Татьяну... и на раба твоего Вячеслава и на рабу твою Валентину... И утверди обручение их в вере и единомыслии, и исполнение любви, — бубнят уставшие священники.

А в это же самое время в какомнибудь доме, предположим, на той же улице Баумана, что в Казани, совершается обряд Никага — венчание по-мусульмански. Пышный стол. Пышущие жаром белыш. Старики, муллы в чаплы и халатах. Общая молитва с чтением азана, заканчивающая эту долму. Чтение хутбы Никага.

— Есть ли невеста с женником! Есть ли свидетели! Есть ли кипы! — спрашивают все, что нужно по ритуалу, муллы.

— Есть. Есть... согласно отвечают родители.

Диас ВАЛЕЕВ

ПРИМЫКАЮЩИЙ ГРАЖДАНИН

АТЕИСТ ДОЛЖЕН ЗНАТЬ ОППОНЕНТА.
АВТОР СТАТЬИ УТВЕРЖДАЕТ:
МЫ ЗАБЫВАЕМ
О НЕВЕРУЮЩЕМ ВЕРУЮЩЕМ

дой, лет сорока, слегка лысоватый, с черной, аккуратно подстриженной бородой, в тяжелой, плотной золотисто-желтой ризе... В руках его — еле заметный серебряный крест с распятием...

И уж возносятся к потолку, наполняют церковь певучими словами молитвы о всевышнем мире, о спасении. И ровным узким рядом стоят новобрачные, держка о левую руку длинные тонкие свечечки. Белые вуали ниспадают на плечи, скрывают их тело, боли платья. Одна высока с гордо вскинутой головой. Другая маленькая, тоненькая. Но в глазах у обеих — испуг, ожидание необычного и какая-то неловкость. Парни же в черных костюмах. Уголочек платка чуть выдвинут из левого нагрудного кармана... У того, что рядом с высокой

Обед. Проповедь. Молитвы.

— Сегодня молодые изъявили желание создать новую семью, — обважа всех внимательным, скептическим взглядом, изрекает мулла. — Они хотят идти по пути, начертанному Мохаммедом. По истинно мусульманскому

И звучат молитвы. И разматывается
нынешняя арабская вязь корана:

— О вы, которые уверовали! Повинуйтесь аллаху, и повинуйтесь посланнику, и не делайте пустыми своих деяний!

И молодые послушно, одновременно со всеми, кто находится в комнате, открывают ладонями лицо свое: Аллах акбер! Аллах великий! Жених в черном костюме. Белая тоненькая полоска платка высываются из кармана настолько, насколько нужно.

Фото Виктора РЕЗНИКОВА

Опыт небольшого социологического исследования

Но кто же все-таки он, этот энергичный парень, этот молодой прихожанин со спортивной выправкой? Что привело его в церковь? Каковы причины, заставившие его принять участие в религиозных обрядах?

Давайте-ка остановим его на минуту, полюбопытствуем, поговорим, так сказать, «тет-а-тет»!

Занесся в Москву из Ачинска. Интересовалась по своим журналистским делам проблемой молодого прихожанина, я познакомился с ним в его 24 вариациях, встретившись двадцатью четырьмя людьми, вышедшими из церкви.

22 до 30 лет. Пол—мужской и женский. Образование—среднее и высшее. В подавляющем большинстве—белые члены рабочего класса, имеющие зачатки социалистического воспитания, вышедшие из комсомольского возраста, а то и из комсомольского возраста. Разумеется, члены профсоюза, этот молодой прихожанам по ро- у занятий? Да почти весь спектр го- сударственных профессий в его рядах— наука, инженерия, техника, врачи, врачи- ки, инструкторы, преподаватели, тре- бователи, воспитатели детского сада т. д. Место работы или учебы моло- дого прихожанина Казанский универ- ситет, авиационный и моторостроительный заводы, одна из городских боль-尼, сельскохозяйственный и ливаки- земельный институты, Казанский гос- ударственный университет, различные научно-исследовательские институты города и т. д.

А вот типичные образцы моего

— Вы верите в бога! — спрашивал, по святой наивности думая понача-
му, что в каждом найду убежденного

— Чего Вы смеетесь?
— Нет, не смеюсь,— искренне дышался я и щупал свое лицо, чтобы узнать со всей степенью достоверности, смеюсь я или нет, и убеждался, что не смеюсь.

А молодой прихожанин с узким иергичным лицом, инженер мото-
строительного завода по должности
вой на земле, смеялся.

— Сейчас кто верит? Никто не ве-
рит! — спроста убеждал он меня.—
Никто! Я ведь не хожу постоянно в
церковь, не люблю к паперти. Вот
бывало только. Нет, что вы! — с
евинной, младенческой улыбкой от-
решился он от бога.

— Почему крестить крестьян? Есть закон у русских крестить, а нам с маком все равно, — вздыхая, произнесла старуха. — Крестить, — прошептывала работница б-й кашевской горбоницы. — Свекровь крестила да еще одна старуха. Капают, поимяют, и кипят на мозги, но мы не плюнули, чтобы отвязаться только.

— Родители — старшии, в житье с ними пока. Кому охота обострять отношения, вот мы и обнинялись, — скривившись и угрюмым образом объяснила третий, студент-вечерник авиационного института и работник универмага.

А вот уникальнейший рассказ студента консерватории, жизнерадостнейшего, веселого парня, кстати, татарина по национальности.

— Как было дело! — рассказывали мне.— Встретил друга. Выпили, конечно, гуляем. Глядим, церковь, «Зайдем» — говорю. «Зайдем? Смотри, крест там маленького мальчика. Окрестимся, говорю. Окрестимся, друг говорит. Я выступал в драме, в художественной самодеятельности тоже. Друг выступал в драме. Подходит к полу с таким, знаете ли, страшным выражением лица.

далечинским выражением лица, и лаем, говорим, в христянство податься! А, оказывается, надо деньги заплатить? Ну, пошли в ки-бухгалтерию, заплати, документы у нас на руки, все читай, запиши. А нам говорят крестного нужно. Что делать? Гладкий папаша стоит неподалеку, старичок хлопнувши синими, с мутными глазами. А мы к нему: «будь нам крестным!» А тебе будешь крестильщиком? А ты обрадовался. Папаша, это тебе не виновато, в свидетельстве, по книге нам читали. Было очень интересно. Обошелся этот круговорот нас, или мы вокруг чего-то обшлись. А там стояли со стороны крест и смотрели в яркую точку. В оконце, quem, друг от меня смотрел, а я друга. Неловко было отступать...

Вот там примерно и прошли в дадцать четыре беседы моего «жизненно-исследования». И что же в этот раз? А в это то, что молодой приходящий атеист оказался во всех своих дадцати четырех вариантах, которых же как собственнох глазах крест губами прикладывалася. И юбленый причиной атеистом. Какой же здесь может быть разница? Каждый верят. Но верят, но тем не менее почуяли не подерпать свечку в руке и не помолиться во славу всевышнего тремя перстами правой руки! Как отказать, если просишь? Как отказать, если не можешь чем-то «акапалят»? Ведь мы люди добрые, сердца отзычиваемые. Мы в лепешки разшибимся, себя позабудем, умрут лиши. И молятся ведь мы людям энергичные атеисты, молят и любят голо на пальцы.

— Хотя бы один единственный в русской литературе! Но вернуться. Свой собственный шаг совершающийся Единственный консерватор есть, и тот не друга смотрел, перед лицом же, что выхвачены, «выдернуты из контекста» — это нечто, что неизвестно никому, кроме как изучавшим маузеров. А на лице маузера — маузерская дырочка. И горничный вопрос возник. Вдруг ли парень в эту дырочку знаком, или тот самый, который находитесь, когда вы приходите к нам? Или же, может быть, Николай и глупый подумал? О, обязательно виден, что это будет нумизмат! Но широкая наружка на голове указывает у этого атенея!

иронии, разве не удивительно, что один и тот же человек, идя «по истинно мусульманскому пути, начертанному Мухаммедом», пресколько идет еще и по другому пути. Одновременно!

Любопытны эти необычайно легкие метаморфозы. В мечети и дома че-

век верующий, в институте и на работе — атеист, разумеется, активный общественник и пр.

В атеистической литературе встречается порой термин «примыкающие прихожане». Это люди обычно с близкими, а то и от格外ительными отношениями к религии, что не мешает им тем не менее участвовать в обрядах крещения, венчания и вообще сопровождать какими-то внешними

действиям ход исполнения лингвистической композиции, то есть языковым действием ход исполнения светской, житейской лингвистики они, видимо, могут быть. Но это не означает, что они могут прокраинуть сопровождаемые какими-то внешними, точно отрепетированными действиями. Что еще любопытно? Беседы, которые проходили с дядью четырьмя «примыкающими к прихожанам», людьми, имеющими как минимум среднее образование и часто и высшее, себя «инвестировавшими» в эти земли, тем не менее не имели сильных аргументов. Их «атеистика» в большей мере чисто поверхностного, примитивного характера.

ства, следствие того же внушения, а не глубокого внутреннего убеждения. То есть их в равной степени можно назвать как «примыкающими прихожанами», так и «примыкающими атеистами».

Ну, а церковь! Ей такие «атемы» нуужны. Поты сейчаш встал на колени перед какой-то иконой, быть может, по принуждению, быть может, потому, что «история убедила», какая на мозгах. Никаких же идей и по социальной теме, и по политической, и по эстетической, и даже не по желанию. Примыкает. Примыкает же рождает потребность верить на колени! И что еще важнее отметить, таки тип «примыкающего человека» нуужен в наше время, наверное, не только одной церкви.

Он же это приспособление, воровское, сиююю, поисковую, отыскивающую, тому, что ушло ся сегодня не нууждино. Недаром, по наблюдениям социологов, ярко выраженное приспособленчество в людях оказывается связанным с общими догматизмом, стереотипностью их мышления, с настороженностью к новому, к неизвестному, к тому, что является противоположением от нормы. От нормы вчерашнего дня, разумеется. Нанесен, с негибкостью мыслительных процессов, крайней бедностью идей...

Проблема личност

Такие конформные, прымывающиеся граждане могут, впрочем, проявить себя во многих качествах и во многих обличьях: антиобщественный потенциал их можно наблюдать, вывести почти любой уголок общества из равновесия, разбить башнями, спустившись с горы, грабежом и т. д. Нередко обвиняющий с головой делает полюгнитический характеристи-
ка, герой судебной хроники еще за
день до совершения преступления
может вполне поступить и в качест-
ве прототипа для какого-нибудь сред-
неположительного персонажа в ка-
ком-нибудь среднеположительном
произведении.

С Юрием Качалкиным, слесарем одного из казанских заводов, я встретился в следственном изоляторе. Стол, два стула, деревянная скамья со спинкой. И еще бритый наголо человек с большими рабочими руками, немного растерянный.

Он рассказывал о себе и о том, что случилось. Рассказывал доверчиво, с интересом, с некоторым наиграньем, да добавлял пару слов, что я ему вроде бы и не знал. Школа, работа на заводе. Работа с шестидесят пять лет. Случай в армии. Оттуда он вернулся с связями и грудой знакомств «Столичников». Такой знак дают на конвойдам: склоняют хором. Их знакомые, конечно, были из тех же мест, первые встречи с теми, whom знал склоня-да-то. Имелись кой-какие пламенны, заниматься спортом — было уже первый разряд по боксу, поступили в техникум... Спортивные достижения, как маленькие награды, и многое, но разве только вульгария порой, когда выдавалась случай, а подчас и без случаев.

И вот внезапно наступала минута, ког-

да поднял на человека руку, взял чужие часы. Вполне может быть, что эти часы ему были не нужны, и взял их он «просто так», не отдавая себе отчета, как говорит он теперь. Может быть, и то, что не хотелось бить, но уж так, подвернулось чье-то лицо, поганое.

под руку.
Но все-таки вело его к этому финалу. Черт! Скука, водка! Или бесхарактерность, собственная хребтостность!
— За что я ударил! Не знаю. Я не знаю, почему я ударил. Подзюкоз нут сзади кто-то: «Врекъ ему! Ну, и врезал. Не знаю.

Леонид ПЛЕШАКОВ,

Анатолий БОЧИННИН

(фото)

нужна только победа. Для каждого из них только я являлся загадкой. Они же все для меня неизвестны по своей манере игры. Вот и приходится сражаться одной против всех.

— Как они ведут себя при прогнозах?

— Одни нормально, другие...

— ...Нормально?

— Понимаете, видят сам, что проиграл, но обязательно зовет кого-нибудь из товарищей спрашивать: правда, что я проиграл? Ему говорят: правда, — только тогда соглашаются принять мою победу. Мужчины иногда, знаете, слишком много о себе думают...

Конечно, я был оскорблен пренебрежением к нашей, сильнейшей, половине рода чирковского. Но петь народные песни и национальную музыку было глупо: вдруг она предложит сыграть партию в матче? И да, это поставит нас в тупик. Или «Рисунок» не стал, а предпринял обходной маневр. Скакните, Нонна, а с мужчина-гроссмейстера мы могли бы на равных сразиться!

— В настольный тенис я обограю из него. А в билльярдступил Геллер и Штейн. Ну, я же, кажется, кому-нибудь, кто играет так же хорошо, как и они.

Я же стала углубляться в эту шахматную тему, в душе поблагодарила ее, что она не предложила мне сыграть с нею.

В один день я спросила:

— Вам 28 лет. Вы умы тринадцати чемпионки мира. Приходите в мысли, что это значит? Когда это произойдет? Чем вы будете чувствовать? Такое обезательное должно случиться в жизни каждого чемпиона.

Я не знаю, сколько буду еще жить, но если мне удастся бросить на дно. Но если случится, постараюсь отнести к этому философски: значит, это должно быть. За шесть последних лет я только однажды уступила первое место в женском турнире. Это было в Югославии. Победила тогда Загулловская. Неприятно, конечно, оказаться на втором месте, но я скажу: всяко может случиться — и особенно не расстраиваться.

— Снимите, вы объективно оцениваете игры других шахматистов или же нет? Есть ли энтузиазм, за кого вы играете?

— Я всегда «блолед» за Михаила Талая. Он езжает много новую в шахматы. Он заставляет соперников бороться, работать за шахматную корону, это мой мотиватор. Но если коротко, то большие пятидесяти процентов это были лучшие варианты ходов. Просто он умеет быстрее считать варианты.

— Хорошо. Тогда наново ваше мнение об игре Спасского? Речь недет о последнем его успехе, а о том багаже шахматиста, который он скопил в своих 32 годах.

— По-моему, сейчас это самый сильный и самый умный шахматист мира. Честно говоря, я не особенно был тогда уверен в его победе над Петровским. Но когда он вышел, я попыталась прикупить, чтобы сеанс смогут вступить в борьбу с Борисом, со обладателем шахматной короны, и, знаете, достойного претендента не нашла. Есть отличные бойцы. Но равного ему нет. Каждый в чем-то чуть-чуть, но уступает.

О КОРОЛЕ

шлось ждать три года, снова примились пройти весь цикл: борьба, и опять неудача: Борис опередил Леонида Штейба. Другой раз на месте Спасского опустил руки, а он опять начинает повторение прошедшего, с самого первой стадии. Из этого раз он вынес урок: надо учиться не только как победить чемпиона мира. Петровский для него, пожалуй, самый недавний противник. И все-таки Спасский опять начинает борьбу, снова проходит все этапы и добивается победы. Я даже не могу представить, как это можно четыре раза все начинать сначала и повторять прошедшее. Не у каждого выдергиваются нервы. Не каждый способен на такое.

За последние два цикла он победил сильнейших гроссмейстеров: Польши, Колумбии, Ливии, Киргизии, Германии. Он встречался со всеми, кто мог бы претендовать на шахматную корону. Знаете, в шахматной мире, если ты сам не заставишь, тебя не приведут.

Если говорить о самом матче претендента и чемпиона, то тут не бывает случайностей в конечном итоге поединки. В 24 партиях все может быть: срывы, зевки, неудачи, ошибки. Но конечный итог все равно будет соответствовать силам игроков.

И еще вот что. Всех своих соперников Спасский побеждал в различной стили. Это говорило о физической форме, звезде, которая не падала, когда она держала первое напряжение этого трудного соревнования, хотя, казалось бы, психологический груз прежнего проишествия Петровскому должен был все время сковывать его. Гут, конечно, и большая заслуга его тренера Бондаревского, который сумел психологически подготовить Бориса.

И еще вот что. Всех своих соперников Спасский побеждал в различной стили. Это говорило о физической форме, звезде, которая не падала, когда она держала первое напряжение этого трудного соревнования, хотя, казалось бы, психологический груз прежнего проишествия Петровскому должен был все время сковывать его. Гут, конечно, и большая заслуга его тренера Бондаревского, который сумел психологически подготовить Бориса.

— Но я еще спрашивал о системе разыгрыша первенства мира...

— Я помню. Что сказать? У мужчины и у женщин она одинакова, поэтому я могу давать оценку сразу двум состязаниям.

В чем главная претензия к кынченко? Системе разыгрыша? Тогда, что на самом деле неизвестно, что предполагают звезды чемпиона разыгрывать в турнире 12 сильнейших шахматистов, которые завоевали право выхода в финал на предварительных соревнованиях. Наверное, это более справедливо, чем кынченко положение.

На идеальной системы нет. Каждый будет иметь свою положительную и отрицательную стороны. У кынченко, например, есть сильные шахматисты, и со всеми видимыми недостатками она может и свидетельствует о том, что это чемпионат мира. Одни должны победить в матче с премьером, другие — с претендентом, и каждый устраивает ничью. Первый день Бориса Борисовича за право играть матч, чемпионом не спокойно готовится и вспыхивает.

— Все верно. Но только мы забываем, что чемпион тоже когда-то был претендентом на титул, прошел через триумфы и несправедливости, которые ему уготованы системой разыгрыша. Он прошел — пусть теперь попробуют другие.

— А как вы лично относитесь к изменению существующей системы? Спасский, например, да, того, как стать чемпионом, говорил, что наименее систему нужно изменить.

— Я не против. Пусть меняют при любых условиях разыгрыша победят сильнейший. Я в это верю.

— Нонна, в шахматном приложении в газете «Советский спорт» сразу же после матча было опубликовано интервью, в котором Петровский и Спасского упрекали за то, что они сыграли несколько «женских» партий. Скажите, что это такое: играть «по-

грубые ошибки в игре: зевки в два хода и что-либо в этом роде.

Но я считаю, что никто не имеет права в таком стиле критиковать ошибки, допущенные в матче на шахматной доске. Услышав такие горючие такие трудные и психологически напряженные, что ошибки неизбежны. Я не помню ни одного матча даже с участием Ботвинника, Талья, Петрова, где бы не были допущены ошибки...

— Так говорят, когда допускаются ошибки в игре: зевки в два хода и что-либо в этом роде.

Это выдумки мужчин. Когда они допускают грубые ошибки, они объясняют просто: что ж, бывает, это игра. Когда же женщины, делаем то же, а они нарекают это «женской игрой»: что же, не пребрежительно говорят: «а-а, это женская игра». Это склоняется...

— Вы считаете, что различия в играх мужчин и женщин нет?

— Есть у мужчин класс игры выше. Но им легче. У них лучше условия для тренировок, они встречаются всегда с более сильными соперниками, чем мы, и физически они сильнее. А это необходимо даже в соревнованиях шахматистов.

— Это получается, что мужчины лучше справляются с мужичинами в соревнованиях?

— Да и здесь, в Грузии, и в Гатчине во время традиционного турнира, и во время сеансов одновременной игрой...

— Ну и как?

— Я не боюсь. Я считаю, что с мужичинами свободно можно играть. Правда, это трудно. Мне приходится больше тратить энергии, чем мужичине. Представляете, когда я одна среди них, каждый ставит целью у меня выиграть. Он может проиграть все остальные партии, но уж в этой ему

K

узьма ворочался в постели всю ночь. Младший сын, которого он не видел целый семнадцать лет, единственный из четырех сыновей ушелевший в войну, обещает наконец приехать домой.

«В сентябрь обязательно приеду!» — так и написал. А уже конец августа. Значит, совсем-совсем скоро.

И радостно на душе у старика и светло, и он без конца представляет себе, как сын входит в эту избушку, где родился и куда приезжал каждое лето после войны, когда учился в Москве.

Последний раз сын был дома всего один недельку перед выездом на работу за границу. В плохое время он приехал тогда. Кartoшка еще не выросла в лесу ни ягод, ни грибов, ни дичи. Одним словом — ины.

«А надолго ли?» — спрашивала старуха. Кузьма Семенович времени дома не имел, не тратил бы на цепь горючего. Может, сыном руки и нас боязнились... Только нет, помирать еще рано, пока поживем...

Тут Кузьма вспомнил, что месяц назад его друг так проклято, так скрутило, что и не could выплыть. Тогда-то и написал сыну письмо, своей рукой написал, как умел, в школе-то никогда не учился. Много общих слов нацарапал. Обвинил сына, что тот на чужой стороне отца с матерью забыл, а смерть на пороге стоит, и если сын и теперь не приедет, не будет ему отцовского прощания...

Сейчас Кузьма неловко за те слова. Нестроптиво написал. Ведь каждый знает, что он со старухой получает от Василия и письма, и деньги, и посылы.

«Так не думал же я, что выживу», — опправдывается перед собой старик. — Думал, вправду помру. А послал письмо, и здоровье сразу налаживаться стало. Выходит, зря оторвал сына от важных дел, зря его растроевши.

Но все эти сомнения, едва возникнув, начисто смелись новой волной большой отцовской радости — сыны скоро приедут.

— Марфа! — крикнула Кузьма.

— Мого тебе! Син! — отозвалась с печи жена.

— Слушай-ка, в чем мы Василья встречаляем будем?

Марфа отвела лицо не сразу.

— Кartoшка поспела, ячи десятков пять скопила. А молоко у Ксюши Федоровой брату будем. Корова у ее молочная, и молоко, говорят, больно жирное...

— Водки не забудь, водки. Целый ящик!

— Не мешай Яшине — что же ящик! Литр куплю, и хватит.

— Яшина! Сестра! Сестра! — это сын дома не был, а она лягнула...

О водке спорили долго. Сошлись на том, что по одной бутылке на каждого из семнадцати лет купят все-таки надо. Если какая пол-литра и останется невыпиваемой, она всегда пригодится.

Кузьма был недоволен.

— Треска покупная, молоко чужое. Но то, Марфа, не то! Сын на родную землю, в родной дом приедет. Разумеешь? Свое надо на стol подать, своей Кartoшки — это хороши. Овощи тоже стоят, морковка там, репа...

— Яшина! Сестра! — послышалось из стула.

— Всё! Василья ждем! Ведро. Не меньше. Чтобы досыта поел. Их, поганых, неизвестно-то где, в Африке и видом не видывали. И еще грибов надо. Боровиков, рыжиков...

— Не растут грибы-то. Лето сухое.

— Из-под земли выкопаешь, а собери. А я знаешь, что надумал? Слопцы поставлю. На топле, за Гарими, по окраину болота. Поминчи, засорю марожнюю туда ходили! Вот там, глухари изловлю. Его с кирпичечкой в чугун да в жаркую кучку.

Гарячка вспыхнула лицо, Кузьма почти не поминала — Кузьма води туда еще не давнико было, когда она была молодой, но уже обремененная оравой детей и домашними работами. И в памяти от тех юных за марожнюю, как, впрочем, и за клюквой, и за брусничной, и за рябинками, сохранились лица ющущие глубокого душевного умиротворения и той приятной усталости, которую испытывает человек, в удовольствии поработавший и побродивший на свежем воздухе.

— Ты чего, услыхал? — окликнул Марфу Кузьма.

— Думал все... Куда ты на та болота пойдешь! С твоими ли ногами в этакую дыру ходить?

— Что — ноги? Я смыслю, еще бегом могут бегать. По себе меня не равняй.

Загоревшись мыслью добить глухаря к приезду сына, Кузьма отыскался в кладовке старую, перевязанную проволокой централку, наставил на куске нахадка топор и с рассветом отправился в путь.

До Гаря — бывшей деревни на большаке, а теперь пустыря с высокими бересклетами и кустарниками пятнадцать, да там к болоту еще добрых пять верст — Кузьма рассчитывал добираться до места к полудню. Но едва он вышел за поселок, его обогнал, громыхая железным кузовом, самосвал. Сзади вспыхнул красный фонарь, и машина остановилась. Из кабини показалось запыленное лицо шофера.

— Тебе куда, дед?

Кузьма засеменил к машине.

— В Гари бы мне...

— Садись! До Студенца довезу... Да не в кузов, в кабину сядись, с той стороны, — и открыл дверцу. — Да топор сними, а то сиденье перекрежь. Шофер сам вытищил топор из-под веревки, которой была перепоясана фуфайка старика, и положил его в ноги.

Слопцы

— Вот спасибо! — благодарила Кузьма, усаживаясь на мягкое сиденье...

Целых семь верст проеду.

Самосвал треснул и быстро набрал скорость. Водитель несколько раз глянул на свою иссиняное морщинами лицо старика, на седую, уже редеющую бороду и спросил:

— Тебе сколько лет?

— С рождества восьмой десяток пошел.

Кузьма зверзл, глаза его заблестели.

— Понимаешь, сын у меня, Василий, приезжает. Из Африки.

— Откуда, откуда?

— Из Африки. А ты не слыхал? — с оттенком обиды в голосе сказал дед.

— Кто из Африки не знает?

Шофер рассмеялся.

— Африку-то я слыхал... А что он там делает?

Кузьма задумалась, не зная, что ответить, потом сказал:

— Прямо то не пишет. Знать, не положено. В пособиях служит.

— А-а...

— Семнадцать годов дома не были!

— О-о...

— Семнадцать годов заслуживаешь, глухари для него чучу жаловать. А как же! Без мамы шестьдесят годов зверя и птицу промышлял. Старые-то скотинки в меня знают. Кого хош спроси, Нионгитова Кузьму все помнят. Лисцы, ловки, волков, скопок медведей взял, а глухара, рябина, бобка — этих — и считу нет... А вот уже десь десять годов, как ревматизм меня свалил, в лесу не бывал, из дому, считай, не выходил... Но для сына — надо. Глаза вот только худо видят.

Машинка въехала в деревню, и не сбавляя скорости, помчалась дальше.

Кузьма с беспокойством оглянулся на шоferа.

— Так это же Студенец...

— Дядя, я тебе Гарей подкину...

Когда самосвал остановился под высокими березами среди пустыря, Кузьма смущенно пробормотал:

— У меня вот только нету с собой денег, ни колпаки, ей-богу!

— Чудак ты, дядя! — добродушно отозвался шофер, открывая дверцы. — Неужели я деньги с тебя взял бы? Ты только глухарь излови. В Африке, смотри, не нету!

Старик заторопился.

— Спасибо! — премножено изловлю! Спасибо тебе, мил человек. Теперь у меня в асе сделано...

Солнце еще только поднялось, и в лесу было проладно. Не без труда отыскал Кузьма заросшую тропку к мозховому болоту, где постоянно водились глухари, и быстро-быстро засеменил по ней, редея тому, что рано доберется до места.

Перед самым болотом Кузьма спустил с земли цепь глухариного выводка, и сердце засеменило радостно: есть еще птицы, не вылезли из леса!

Следующие слова, которые стояли здесь лет пятнадцать назад, уже обросли деревенским ходом и стилем, и Кузьма решил устроить ловушку на своих порхаликах.

Бывало, за один день он делал до десятка слопцов, и теперь старый пушин облегчал работу. Но руки уже не те. Тяжело рубить края, трудно колоть их на плахи для боковин, не легко настраивать дробящими рукачами чукту насторожок. И пока попал на коленях, настораживая первый слопец, плахи трижды падали на сухие неполупышущие руки.

На Кузьму было упорен и терпелив. К полуудин он поставил два слопца. «Сделаю еще два и домой», — решал он.

Но сумел поставить лишь одну ловушку: топор не держался в руках. «Сделаю еще два и домой», — решил он.

Ну, бог с ними! Пока трех хватит, — успокаивал себя Кузьма. — Денег нет, через два придадут, еще три сделают...

Обратный путь к большаку показался долгим и трудным. Ноги подкашивались, кружились головы, сапоги то и дело цеплялись за сучья и колоды. Выбрались на большак только и закату солнца и поняли: до дому не дойти.

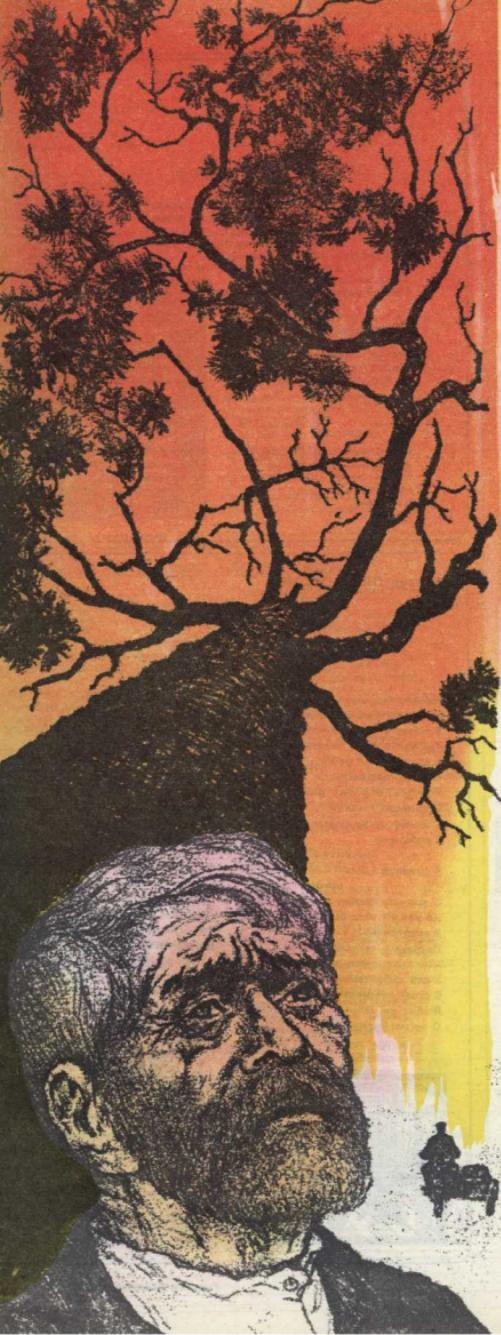
— Плохо, и здрава переношу. Вот старуха вся перетревожится...»

Но еще не успел Кузьма толком решить, что же все-таки делать, как лес спрятался за деревней.

— Три слопца поставил! — не без гордости сказал он Марфе, едва переступив порог. — А ты говорила...

Два дна Кузьмы отвалились на печи, а на третий опять сорвались за Гари. Теперь он на всякий случай прятывал с собой да попинки и в путь отправился уверенней. Но машины как на грех не было. Наконец из-за кустов показалась мотоцикл с коляской.

— Эта штука не по мне, — вздохнул старик. Но мотоцикл остановился.

— Кузьма Никандрович?! Здорово! Куда ты?

— Здорово, — ответил Кузьма, соглашаясь в смуглое лицо мотоциклиста.

— Садись, Никандрович!

— Он самый. Садись, водику, Или не по пути? Я в Ларино поехал.

Погоди-ка путь... В Гарин мне надо...

Кузьма недоверчиво оглядывал покашливавшую немацкой машину. Но Сидоренков откинулся в люльке брезент и решительно сказал:

— Садись!

— Ладно уж. Сяду. Только ты нешибко, — согласился Кузьма, которому очень не хотелось ехать на такой «коляске», но и жалко было терять драгоценное время.

— В Гарин-то по какому делу?

— Понимаешь, суну у меня обещает приехать... Семнадцать годов до ма не хватает, чтобы я суну Кузьму, но Сидоренков перебил его:

— Это хорошо. А в Гарин-то все-таки зачем?

— Как это — зачем? Должен я для сины глухаря изловить или нет?

— Вон чти! И как же ты его ловить будешь?

— Обыкновенно. Слоподи. Три штуки уже поставил. Еще три сделаю и хватит. Неужто не попадет один-то глухарь, а?

— Попадать то попадет. Только ведь сполцы мы не разрешено птицу ловить.

Кузьма рассмеялся:

— Я, мил человек, всю жизнь сполцами ловил. Сотнями птиц в сельце сдавала.

Это раньше. А теперь нельзя, ты же не промысловник, наверно, и билета охотничьего не имеешь.

— Мне все можно, — убежденно сказал Кузьма. — С первого года Советской власти пушину и мясо для народу добывал. Что у меня этих гремот — избы оклеены можно... А тут, здоровъ живешь, — нельзя!..

В Гарин Кузьма подал Сидоренкову политиник.

— Не надо. Справа подальше, а то еще потерпевши в лесу. Да сполцы, которые поставили, спрутни. Насколько птицы бы не было.

Какая там неприятность! — смеясь, руки Кузьмы. — Спасибо, что подвез. Ты же не зря пришел.

По своей памяти старик быстро добирался до края болота и прежде всего решил осмотреть сполцы. Первый был пуст. Второй тоже. Кузьма осторожно вырвался землю под бревнами и в оба сполца насыпал на горсти прихватенного из дому кроткого песку.

Третий сполец был спрутни.

«Ага, кажется, есть!..» — И Кузьма поспешил к ловушке.

Под бревнами оказалась рабинка. Это несколько разочаровало охотника, и он обрадовался: начали положено!

В этот день Кузьма насторожил еще четыре сполцы, причем два — на хоромах, нахоромах, где были даже глухаринные перья. Под каждую ловушку он насыпал на горсти песка и, довольный, уже в сумерках вышел на Большак.

Подъезжая к поселку в кабине попутного грузовика, Кузьма в этот раз чувствовал себя настолько бодрым, что у него даже возникли мысли: а не заняться ли промыслом дичи для селько по договору? Но он тут же вспомнил, что раньше постоянная держка осенью со двумя с половиной сотен настороженных опадных самоловов, и путь был километров тридцать, по кругу. Мысли о возобновлении промысла тоже помчерила, и Кузьма разом сунул, как вонючий болван, — разумеется, в карман. Человек для Кузьмы существо со всеми пачинами в Гарине. В этот раз нечто уже не было за поясом топора, а за плечами вискал просторный карманский мешок. Для политиника по-прежнему позывались в глубоком кармане суконных штанов, и старик спать не без удивления подумал о том, как изменилось время. Раньше, бывало, и версту бесплатно не провезут, а теперь птицадуть верст едешь как барин, в кабине, и все за спасибо. И в душе Кузьмы теплилась отеческая благодарность к усталым, пахнувшим бензином и табаком людям, которые и днем и ночью гонят по указанной дороге тяжелые машины и всегда заботливы и внимательны к нему, незнакомые старички, бородатые бородачи, вынутые этой эзды.

Первый сполец был спрутни.

— Ну, Василь, — призывая скрежет, будет тебе жарко! — прошептал Кузьма и побежал к ловушке, сам удивляясь своей склонности.

Но сполец был пуст.

— Эх, не проверил прошлый раз насторожил... Кузьма опустился на колени и долго настравил спусковой механизм.

Самолова.

Привозившийся добрых полчаса, он наконец сделал все так, как хотелось, опять посыпал под бревна горсть песка, которым были набиты карманы фланелевых штанов.

Второй сполец тоже оказался спрутнистым и пустым.

— Да что же это такое? — проморгал Кузьма в недоумении. Но тут его осенило: — Ласка! Конечно, ласка. Иша, зверюшка-хитрошка, пакостница! Разиниться решил? Смотри, сама не падай!

Кузьма быстро наладил сполец, опять разрыхлил под бревнами землю, посыпал нахорома, песочком и пошел к третьему самолову. И здесь бревна плотно лежали на земле.

Не насторожила этот сполец, старик решил обойти остальные ловушки. Все они оказались спрутнистыми, причем вокруг пятого сполца были раскиданы глухаринные перья.

— Росомаха! — догадался Кузьма. — Не ласка, а росомаха, вот кто насторожил. Ты же сама видела, что это было? — И Кузьма сунул в карман фланелевые штаны.

Бывший сполец тоже оказался спрутнистым и пустым.

Лет тридцать назад уж было на Кузьму такая напасть. Повадились росомахи проверять ночами опадные самоловы, и никакого спасения от них не было. Весь путь проверят, все опустошат, ничего, кроме первых, не оставят. И тогда Кузьма насторожил на своем путике тяжелую кулему. В нее-то и попались росомахи.

— Устроил бы я тебе и теперь такую ловушку, да вот топора не взял, — скрутился старик.

Он все-таки насторожил все сполцы и, усталый, в расстроенных чувст-

вах, вернулся домой. Он понимал: раз росомаха добралась до сплющцов, глухарь не выйдет. А уже наступили сентябрь. Вот-вот сын придет...

Прошло еще два дня. Кузьма снова стал собираться в лес.

— Да наплыты ты на этого глухаря, отступись! — не выдержала Марфа.

Кузьма и в самом деле заметил ослаб за последние дни. Но не в его характере было отступать.

Может, потому, что не было в сердце Кузьмы надежды на успех в охоте, но в этот раз оншел до Гарей тяжело, часто отдыхал, и невеселые мысли лезли в голову. Самой тревожной была все та же мысль, что к приезду сына глухарь не будет.

Дорога до места и глазам не поверил: первого сплюща нет. Нет, и все!

— Господи, уж не блазит ли? — прошептала Кузьма, оглядываясь.

И тут он увидел раскиданные бревна, боковые плахи и стойки, «тичи» росомахи — медведица! — додгасалась старик, и ему стало не по себе. Ружицко, конечно, но, кроме старых патронов с дробью, ничего нет.

Будто в полусне Кузьма отошел в сторону и поднял лежащую на земле перепонку, с развиликом, стойку сплюща.

— Погоди, погоди... Стойка-то слрублена. Не вытащена, а срубленна...

Он стал разыскивать стойки и убедился, что все они слрублены топором, слрублены в том месте, где были юбки. Вот и свежие щепки возле порхальца и перерубленная крученая винта, в которую вставлялись очки.

Дрожащими руками старик собирая остатки разрушенного сплюща, будто со страхом смотрел на него.

Шестьдесят с лишним лет лежал птицы сплющены, и никогда еще, ни разу никто не раздрушил у него ни одной ловушки. Птицы, случались, были из самоловов, но чтоб так все нарушить — этого не бывало.

Кузьма, шагая, бродил от сплюща к сплющу и вездে находил одно и тоже. Из двух сплюцов — видно по первым — опять были взяты глухари. И это вовсе смолкли Кузьму. Был ведь уже пойман для сна глухарь, был!

У погибшего сплюща обессиленный старик сидел на земле на сухую, пекущую брусками землю, сжал грудь и замер.

— О господи! Канешки, канешки... — прошептал он.

Кузьма очнулся от звука, которые не могут поднять скотину разве что из могилы. Рядом, совсем рядом, крекал глухарь. Кузьма перестал дышать и скоро увидел птицу. Глухарь сидел на вершине небольшой сосны шагах в пятнадцати, но далее, вытигая шею, оглядывая лежащего на земле человека, и издавал неповторимые, возвращающие к жизни горянные звуки.

Не смея моргнуть глазом, Кузьма нащупал курок, с трудом взвел его и поднес к лицу, подняв над головой свою центральную глухарку. Глухарь сидел. Вот уже ствол нацелился в сторону птицы, и прицел уже уперся в пленю. Ах, как дрожит, как ходят концы ствола! Кузьма приподнял вторую руку, взялся ею за цевье, согнулся шею в боли в горле, чтобы приступиться, и, наконец, спустил курок.

Глухарь подпрыгнул и, окажестенно хлопая крыльями, ломая ветви, рухнул вниз.

Кузьма вскочил — откуда только взялись силы? — и, опираясь на ружье, как на палку, побежал туда, где блеска глухарь. Неожиданно удары крыльев стихли, и старик увидел, что птица, волоча перебитое крыло, убегает. — Ну, Тетя! Тетя не уйдешь! Не уйдешь! — прошептала Кузьма и бросилась ловить глухаря.

Но сны искалили, и опять тревожная мысль — не поймай! — подкосила старого охотника.

Глухарь, видимо, был ранен тяжело и тоже далеко не убегал. Едва Кузьма остановился, птица укрылась за коркой и замерла.

«Чего это я! Стrelять надо!»

Он трижды выстрелил по глухарю и все-таки добил его.

Не веря в удачу, в свое счастье, Кузьма подняв с земли тяжелую птицу, сунул ее в сумку и направился к дому.

— Ну, вот и сю. Всё! Есть, Вася, для тебя глухарь, есть! Они в Африке-то не водятся! — вспомнил он слова шофера.

За плечами у Кузьмы был мешок. Но то ли старик забыл про него, то ли ему хотелось нестись перед глазами драгоценную добрую, только он звал глухаря за лапы и понес так, в руке.

Он вспомнил, что глухарь и торопливые, будто с перебоями, с остатками новьями, удары сердца, испытывая невероятную слабость во всем теле, но шел. Ему хотелось скорей добраться до дома, скорей обрадовать Марфу.

До большака осталось не более километра, когда Кузьма вдруг почувствовал острую боль в боку. Он остановился, тяжело дыша. Боль разливалась по всему телу, закружились головы, нечем стало дышать. Кузьма хотела упираться обессиленной рукой о дерево, но промахнулся и упал на бок.

— Как же так? — в недоумении прошептал он. — Ведь я глухаря несус! Сыну несус...

Он попытался встать и не смог. В глазах потемнело.

«Надо отдохнуть», — подумал Кузьма. — Теперь спешить некуда...

...Еще не погасла, не растворилась над лесом узкая полоска зари, а в бесконечной дали небе уже замерзла светильником первая звезда. Вечер неспешно опустился на землю. Смолк одинокий комбайн на осенном поле, прострекают мотоцикл, открыла вора на проследке телега. Стихло все, даже птицы ушли на покой.

В кизинках, над покоями, забелел росный туман.

Кажется, сама земля отдахает от плотного и нелегкого для садчиной поры.

А на мягком, пока минштом дерне, в пахучей свежести лесе отдыхает Кузьма с глухарем в руке. Роза ужо посеребрила и без того серые волосы старика.

И неведомо Кузьме, что дома ждет не доходится его Марфа, что сын уже в пути и что в кожаной сумке инспектора Сидоренкова, того самого, который подвозил Кузьму на мотоцикле до Гарей, лежит аккуратно заполненный «Протокол о нарушениях правил и сроков охоты». Информатором Кузьмы Никандровичем.

Кирилл КОВАЛЬДЖИ

Парус

И застучало сердце громко, и не вибрало мне в глаза свернувшись ало паруса!

Не чудеса. А киносъемка...

Стоя, как свая среди саяй. Прибой ревет, не отпускает.

Не торопись, волна морская, не размывай, не размывай.

Все так. Уже не жду погоды у моря и судьбы иной не жду. Не погоду, годы...

А паруса — передо мной! Не жду, не жду от них подарка. Они бывают только раз...

Я сам их шил и красил ярко, как пишут кровью, без прикрас.

...Что там? Залив зовется Старость...

Помедли, молодость, не тай. Повремен, мой алый парус, не выцветай, не выцветай...

Только в море

Я счастливого видел пловца: его ловкое сильное тело словно пело: сновало, летело по волнам без конца и предела.

И вне власти земли, неизвестный и неустойчивый, растворился вдали, от лица, что неотвратимо на песке его ждут kostыни.

Михаил ПЛЯЦКОВСКИЙ

Марки

Я в детстве марки собирали, забыл футбол, баскетболы.

Я марки в ящики запирал, как будто клад бесценный.

Я покупал их у ребят, разглядывал часами.

И до сих пор еще любят они перед глазами.

В донбасском нашем городке, в рабочем,

неказистом,

Я с главным был накоротке,

С хромы филателистом.

Не раз я у него бывал в апартаментах личных.

Процедура, он всегда давал мне пару марок линий.

Жизнь небримым бояльем в своей квартире текской,

Любил он вспоминать о былом, о юности интересной.

Рубил я для него дрова.

Нет, не за марки эти!

Мне было, в общем, трин-трава, что думают соседи.

Я клал поленья в штабеля, чтоб дольше не сырели.

Потом на марках штемпеля мы вместе с ними смотрели.

Я без ошибки узнавал, Я отвечал, как надо,

Где Сальвадор,

где Сенегал, Где Куба и Канада.

Силоня в я разных падежах Туманные называя, Что пели так в моих ушах, Тихонечко называя.

В руке я марки занимал — И странствовал по карте.

Я знал, что шар земной не мал, Хочь круглый и покатый.

Яшел по джунглям с топором Без страха и печали.

По пароходам

Вдоль рек меня качали.

Шагал я, от жары томясь.

По прериям

по ряжым,

Я видел лоидонский туман, Здоровась с Парижем.

Я от востора замирал, Кружила в огромном мире... И я про голод забывал В нетопленной квартире.

Рисунок Владимира ШКАРБАНА

Воспоминание

Вдали, в глухом просторе,
поборуб различни,
есть городок у моря,
затерянный в ночи.

Там коридор-веранда,
стена застеклена,
полуземля виноградом
он оплетена.

Льет дождь ночной и теплый,
веранда, как вагон,
заброшенный и темный
в пространстве без времен.

И есть тоска без плоти,
и мрак со всех сторон.
Льет дождь. В пустом пролете
засыпает патефон.

И стул пустой без спинки,
и листы нах из водра,
а голосок с пластинки
якне серебра.

Льет дождь. Струится время.
Однообразный плеск.
Мелькнула, удвоим темень,
мгновенных молния блеск.

Я жду удара грома,
он где-то позади.
Мне двадцать лет. Я дома.
Живу. Надеюсь. Жди...

И без толку и с толком
с навеса капель звон.
Но грехот гром по стеклам,
и глухе патефон.

Мне двадцать лет. Я дома.
И песенка стара.
Несенная истома,
и сладкая ханна.

Зовет гудок с парома,
льет дождь как из ведра.

Декабрь 66-го года

Была зима.

И падал снег невесело.
В тот день он таял, не укрыя земли.

Суровый гроб

Солдата Невзвестного

В Москве по главной улице везли.

Остановились пешеходы,

замерли,

Притихли даже озорные самые

Мальчишки, но видавшие войны.

Свободу, музыку,

звучавшую торжественно,

Тревожно плаки ружья и венки.

И плакали вдоль

тротуаров женщины,

В руках скимавшие морские платки.

Но друг одна на них

— как вскрикинет голосно —

Разбрзня горя тонынкий сосуд,

И мир начнулся в бальном крике:
— Господи!

Не много ли Ваменку везут?

Трамвай остановился у Таллинника...

И вспыхнули вспышки торнозва...

И побежали строгие слэстники

На ставшие непримчима глаза,

Какой-то оператор киностудии

Через толпу спешил,

как на пожар...

А на лафете грозного орудия

Простой солдат

в бессмертие

въезжал.

И, может быть,

не женщина так горестно

Велела причитала несколько минут,

А все Россия выдохнула:

— Господи!

Не много ли Ваменку везут!

Монолог пианиста

Они ведь больше не мон!
И сам жуко в над Россней.
Я и Чайковский.

Мы вдвоем...
И, свой негромый звон рассыпав,
Ромашки плывут под дождем.

На дне колодец дремлют тайны,
А стень качают ковыны.
Берез зеленые фонтаны

Упрото бьют из-под земли...
А где-то на лесной опушке,

Ронки первышки в траву,
Кукуют щедро мне кукуши,

Что много лет я промену.
И землянички пахнет лето,

И мне всегда бывает жаль,
Что исчезает вдруг все это,

Когда смолкает мой рояль!

Куста РЕИНСОО,
секретарь ЦК ЛКСМ Эстонии

Александр ГЕРИНАС (фото)

ТРИ ДНЯ В МИРЕ ПЕСНИ

«Вала Томас» — «Старый Томас» —
как будто сошел с ратуши и шагал
в тот день по улицам родного Тал-
лина.

был послевоенный Новеческий празд-
ник.

С тех пор регулярно, через пять
лет, певцы и танцоры Эстонии при-
езжают в столицу. Прекрасная тра-
диция живет и развивается. А ны-
нешний, юбилейный праздник пре-
взошел по своим масштабам, числу
участников и по блеску был три-
дцатилетний — турецкого прош-
шего масштабства все преодолевущий.

Торжество началось праздничным
шествием участников через летний,
цветущий Таллин. Таллинцы и го-
родица могли себе представить,
что заложенная ими традиция, в те-
чение ста лет пропененная в сердце
народа, станет именем символом куль-
турной жизни свободной и счастли-
вой Советской Эстонии.

Сотни лет начальная песня со-
провождала эстонского крестьянина
на тяжелой помечтавшей барщине;
она вспоминалась в песнях погибших
ходили на ульны тысячи эстонских
рабочих, чтобы свернуть царскую
 власть и диктатуру буржуазии. Пе-
сни содраты в короткие минуты от-
дыха в суровые годы войны вделе-
ке от дома.

Едва отбушевала пылью второй
мижовой войны, как в деревни Тал-
лина, еще лежавший в развалинах,
съехались трудящиеся обособлен-
ной Советской Эстонии на свой пер-

Отзвуки прошлого.

Дальше — детские хоры, хоры маленьких гостей.

В праздничном шествии — хоры гостей. Польский мужской хор «Арфа», представители Венгрии, ГДР, Финляндии, многих братских союзных республик.

Четыре километра таллинских улиц соединяют площадь Победы с уникальнейшим Певческим полем. Первые певцы уже давно заняли места на эстраде, когда последние колонны только вступают на площадь Победы.

И когда последние ряды шествия вступили на Певческое поле, эстрада стала похожа на большое мозаичное панно, которое сливалось с 250-тысячной зрителльской аудиторией в огромную панораму.

Но вот поднял дирижерскую палочку Густав Эрнесакс. «Заря» Михаила Глинки начала звучать на трех певческих праздниках. Но на этом празднике, казалось, она звучит по-изому: мощнее, величественнее. Весь склон холма Ласнамяэ, заполненный небывалым, рекордным количеством слушателей, затих, слушая несущую.

Потом пели смешанные хоры, хоры мальчиков, смешанные объединенные духовые и симфонические коллективы. Музыка акумулила три дня. Звучала песня свободного народа о творческом труде, счастье, друзья...

«Прощальную песню» пели не только с эстрады, ее подхватило все Певческое поле.

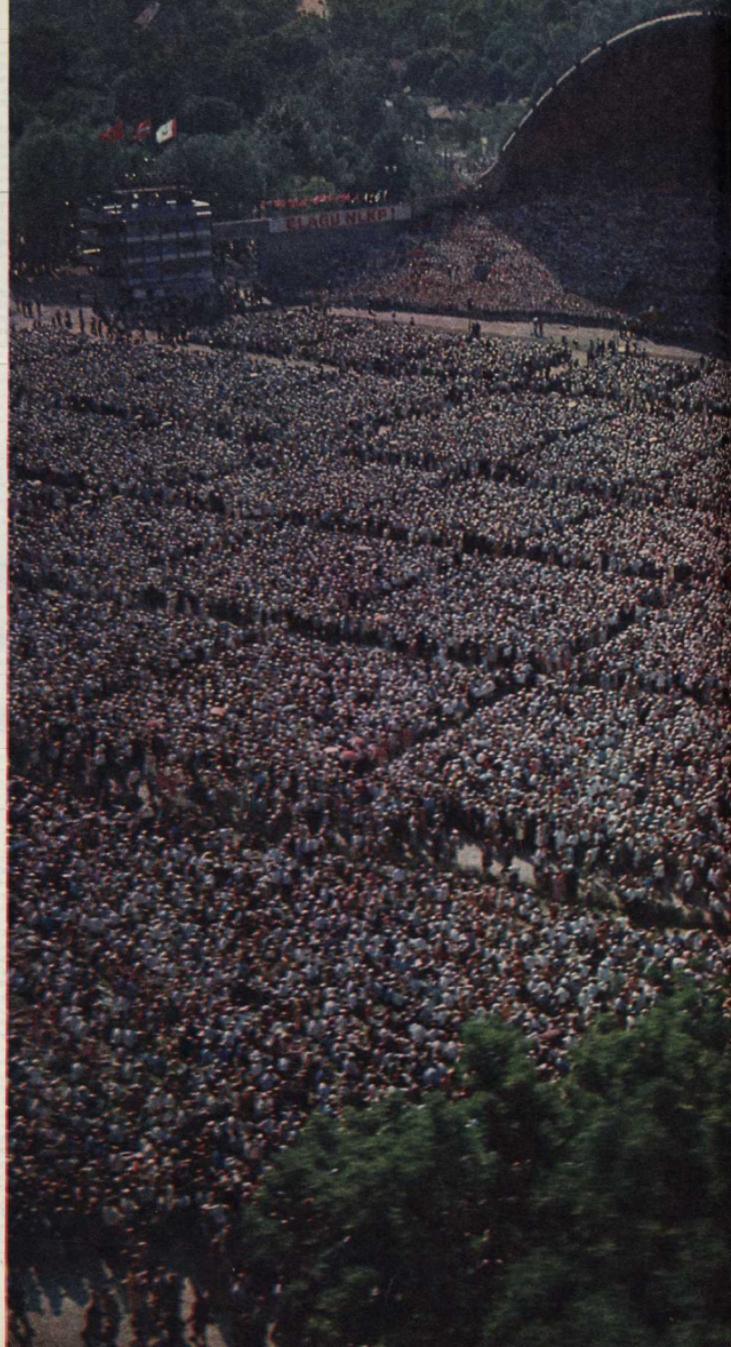
Некоторые из гостей рассказывают о своих впечатлениях.

Дмитрий КАБАЛЕВСКИЙ, композитор, народный артист СССР:

— Потрясающе! Нигде в мире я не видел ничего подобного. Уверен, что каждый, кто был участником, свидетелем этого праздника, стал хоть чуточку лучше человека, в нем осталось что-то, что помогает человеку жить интереснее, безотносительно к тому, соприкасается он в своей повседневной жизни с искусством или нет.

Наиль ЖИГАНОВ, композитор, народный артист СССР:

— Это был большой праздник национальной культуры. Спорят о праве на existence различных творческих направлений, здесь на полях простоты истины: нужно просто любить музыку своего народа, его искусство, его культурные традиции и развивать их.

Адам СНЕЖИНСКИЙ, композитор на Польской Народной Республике:

— Певческий праздник великолепен, зрелищна его картина грандиозна. Создается впечатление, что в Эстонии поет весь народ. Особенно примечательно участие детей, которые произвели на меня самое благоприятное впечатление.

Мауно САКСАНЕН, музыкальный руководитель Хельсинкского Културного центра:

— 100-летний юбилей эстонских певческих праздников вызывает такое переживание, описать которое почти невозможно. Праздник нужно видеть воочию, слышать его звуки. Это радостный праздник музики, это великая манифестация мира. Это такой взлёт воодушевления всего народа, какого я нигде не встречал... Особенно впечатляет широкое участие в празднике детей и молодежи.

Леонид ВИГНЕР, дирижер, народный артист Латвийской ССР:

— Это мастерски проведенный праздник, организованный на таком уровне, которым может гордиться не только Эстония, но весь Советский Союз.

Вильмош КОННОР, лауреат премии Коншту, дирижер Будапештского государственного оперного театра:

— С музыкальной точки зрения самое впечатление произвела совершенная, чистая интонация всех хоров, не слышно было ни одного дентонирующего тона, динамика хоров от пинакиссимо до фортеассимо.

Джованни ФАВАРЕТТО ФИСКА, мэр города Венеций:

— Певческий праздник являл собой удивительную картину. Организованная его сторона совершенна. Народ, который устроил такой праздник, должен опираться на прочную культурную основу.

Торстен ВАЛЬТМАН, артист Гете-боргского оперного театра:

— Я видел певческие праздники и все-таки не мог себе представить, как фантазичен он в действительности.

Ян ПОНИЧАН, словацкий поэт:

— Столько людей, столько красок, столько радости, и веселы, и достоверны! И песни!

...Праздник окончен. Вместе с тем он — начало подготовки к новому празднику в 1975 году. А в 1972 году, в год 50-летия пионерской организации имени В. И. Ленина, состоялся третий республиканский певческий праздник пионеров. Праздник окончен... Но в душе каждого его участника осталось и закрепилось неизываемое чувство — чувство братского единства народов разных наций, которых сплотила песня. Это не был праздник только эстонцев, которые привлекли к себе гостей. Ведь вместе с эстонскими коллективами, солистами, прославившимися своим выдающимися искусством, пришли гости из более чем десяти других республик, зарубежные друзья — из ГДР, Венгрии, Польши, Финляндии. И песни звучали на разных языках — эстонском и русском, латышском и украинском, узбекском и литовском, белорусском и армянском, польском и венгерском.

Такого концерта еще никогда и нигде не было.

Парад певцов.

На вопросы
корреспондента «Смены»
Владислава Ковалева
отвечает академик
Николай Иосифович КОНРАД

Бег времени

Фото Григория ДУБИНСКОГО

Ровно в час дня я нажал кнопку звонка у массивных дверей с медной, неимущей до блеска дверечкой. Наей крупными каллиграфическими буквами выгравировано: «Николай Иосифович Конрад». Я мысленно дополнил известный советский филолог, единственным в стране постоконсулом, удостоившимся высшей награды Японии — «Ордена восходящего солнца», писателя и замечательного человека.

Двери открыли хозяина, высокого, стройного, с энергичным приветливым лицом и добрыми, молодыми глазами. Такими молодыми, что вначале я даже мог себе представить, что он помоложе, как выглядит. Пятьдесят полвека тому назад, японские события нанесли двадцатых годов к свирепению Временного правительства. Тем не менее это было так.

Мы прошли в просторный кабинет, сели в красресе, покрытыми белыми накидками с яркими цветами и иероглифами, выпили по глотку минеральной и начали беседу.

Конрад — это не только великий энциклопедист для современного человека, об умственных, охватывающих мир. Искусство, которое сегодня, как и много веков назад, не только прививает однообразно, но и является как бы аккумулятором всего сущего, дает возможность видеть мир, может быть, более полно, чем при непосредственном его восприятии. О лягушках и антилопах. В общем, о тех вещах, которые не могут быть в нашей жизни, казалось бы, существуют различно, но объединяются в наших мыслях, когда мыдумаем о современности.

Роль историй! — Ученый даже поскучнел, повторяя эти слова. Стоят они на страницах написаны, так много и таинны замечательны людьми, что мне, право, трудно будет сказать что-либо новое.

— НЕКОТОРЫЕ УЧЕНЫЕ СЧИТАЮТ, ЧТО ИСТОРИЯ — САМЫЙ ОЧЕНЬ ПОЛЕЗНЫЙ И ГУМАНИТАРНЫЙ НАУКИ. КОНЕЧНО, ЕСЛИ ПОХОДИТЬ К НАУКАМ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЗАПЕЧАЛЕННОСТИ И БОЛЕЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОСТИ. ВЕРНО ЛИ ЭТО?

Безусловно. Весь же без исключения процесс, за исключением протекающего во времени, А изменение во времени и есть, говорят чего-то. Уже из момента объединить, назаводить, подчинять, подчинять исследования, науки, астрономия, геология, биология, физика, элементарные частицы. Но важнее другое — история. История — это не просто то, что что-то связано с человеческой историей. Очень точно эту взаимосвязь сформулировал Карл Маркс. Он эту связь видел в том, что история связана с двумя сторонами: с историей природы и историей людей. Но обе эти стороны неразрывно связанные. Поэтому существует человек.

КАКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИМЕЛА ИСТОРИЯ В ВАШЕЙ ЖИЗНІ?

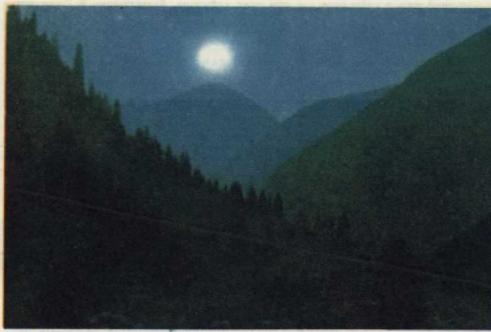
— Думаю, что под влиянием истории и сложились мои интересы.

Партизанская война, ее восприятие мной жизни относится еще и самому началу нашего столетия. Я был тогда юним инженером, учился в Риге. Как известно, в 1905 году произошла первая русская революция. Особенно острая она проходила в Риге. Тогда я, будучи студентом, участвовал в революции. Рига — один из крупнейших пролетарских центров Европы. Я участвовал в революции, как мгли баронские усадьбы и замки, а также велася тех, на которых делал. Передо мной предстояла картина, не где-нибудь, а именно в моем родном городе, которая была посвящена с моей страной. Согласитесь, для студента, который изучал историю, это было особенно глубоко перенести свое время. Сказали, таких, как Аверель Августин, Жан-Жак Руссо. Люди, которые в своих «Исповедях», замечательных литературных произведениях и одновременно исторических книгах, для меня очень важно.

Однако в последние 410 лет, начиная с эпохи Вестготов, разрушили Ригу на Форуме, где раньше веялись судьбы царства, растет тем, и как утверждают некоторые литературные источники, пускали синий дым. Вспоминают: «Рига сказала — дела кончены». И вдруг этого Рига не стала. В мире наступило смятение.

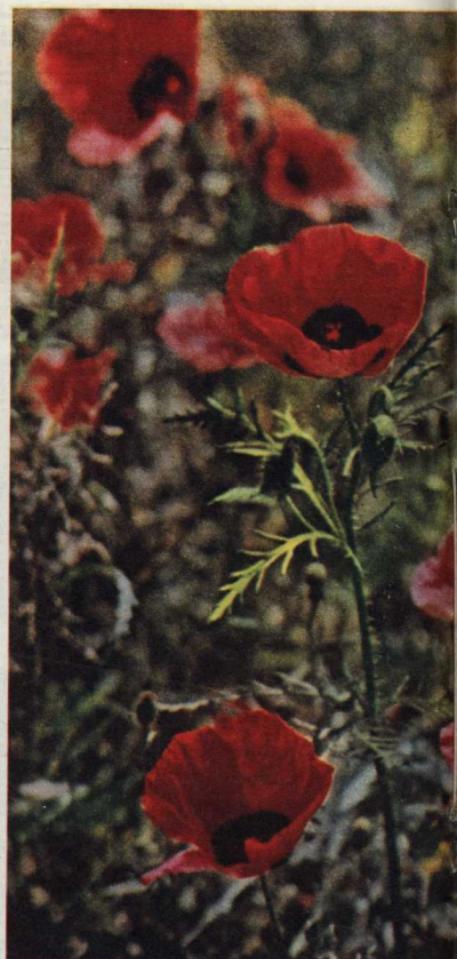
Так вот в этом самом году в маленьком африканском городе Тунисе Альберт Аугустин заканчивает свою эпопею «Исповедь», которой он выступает провозвестником нового мира, известного нам под названием средних веков.

Проходит еще время, и появляется «Исповедь» Жана-Жака Руссо, великого документа другой эпохи, воззвания к французам, к рабочим и зажиточным людям капиталистического. Крупнейший

Красота родной земли

ЗАПОВЕДНИК ПЕСТРЫХ ГОР

Максим ЗВЕРЕВ,
Владимир ЧЕЙШВИЛИ
(фото)

Одни из сложных вопросов современности—взаимоотношения природы и цивилизации. Все ширясь на нашей земле, цивилизация требует себе на службу новые и новые природные ресурсы и постепенно, накладывая отпечаток на все стороны жизни, как бы вытесняет человека от первозданной красоты природы, от ее великих ценностей. Слово «природа», актуальные слова Карла Маркса о том, что «...общество, нация и даже одновременно существующие общества, вместе взятые, не суть собственники земли. Они лишь ее владельцы, лица пользующиеся ею, и, как добрые отцы семейства, они должны оставить ее улучшенной следующим

Силуэты гор в легкой дымке, грациозность диких животных, выпавший цвет маков — все это вместе и есть красота здешней земли.

поколением». Каждый человек принесет на себя большую обязательства перед грядущими поколениями за сбережение природных богатств — каждого, кем бы он ни был, где бы ни жил, какой бы деятельность ни занималась.

Есть прекрасное понятие — «заповедник». Это как бы лаборатория охраны и воссоздания природных ценностей. И заповедники — это главный любовь человека к природе.

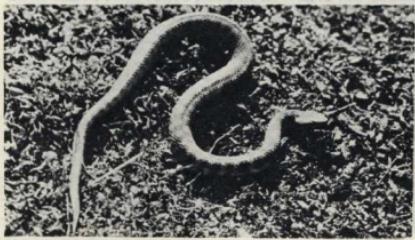
В этом номере мы рассказываем лишь об одном из многих в нашей стране уголков, где красота земли сохраняется в начальствующей непреклонности: об Алма-Атинском заповеднике.

Невалю Алма-Атинскому заповеднику добавлен участок пустыни, где находится так называемая Пионерская гора — уникальное явление природы. Она поражает своим необычным обличьем. Кто бы не знает значить с такой мощью, что смытно за несколько километров. В этот день гору можно вызвать на разговор. Для этого нужно быстро сбежать вниз по крутым склонам — звука спущенного песка сейчас же «поплынет» следом. Почему возникает звук, да еще такой силы, пока не выяснеено. Одни ученые считают, что звук происходит от особенностей мо-

сковинки, и летящие песчинки затягиваются туда, оседая на круглых склонах Пионерской горы. Ветер привлекает песчинки, подпирает их и не дает скатываться. Но когда ветер стихает, песчинки начинают медленно струиться вниз. И тогда возникает звук. Он исходит из песчаных склонов, и звук может значить с такой мощью, что смытно за несколько километров. В этот день гору можно вызвать на разговор. Для этого нужно быстро сбежать вниз по крутым склонам — звука спущенного песка сейчас же «поплынет» следом. Почему возникает звук, да еще такой силы, пока не выяснеено. Одни ученые считают, что звук происходит от особенностей мо-

лекуларного строения песчинок. Другие полагают, что песчинки покрыты налетом из соединений марганца и калия, а звук возникает от трения. Некоторые думают, что звук происходит от вибрации воздуха между песчинками. Предложенный много, но загадка природы еще ждет своего разрешения.

Андо пустыня... Саксаяу и тамарикс почти не дают тени. Быстрые ширпицы мелькают от порки к порке. Чепреки, песчаных удавчиков, змейстрек, ежей и тушканчиков — всех их можно встретить только в этой части заповедника. Красавцы джейраны также обычны здесь, как аракы на склонах Калканов. В зарослях по берегу

Или ракетами взлетают из-под ног яркие фазаны, сверкая на солнце всеми цветами радуги.

А там, где у самых вершин клубятся облака и сверкает вечный лед, нет никаких зверей и птиц. На этих огромных островах в Северном море, например да Амуре, зимовка осеняет на камни. Лишь огромные трибы и силы отдаются иногда здесь, да гроза горных колов — снежный барс заходит изредка на эти высоты.

Заросли арчи зелеными потоками спускаются от вечных снегов далеко вниз, на альпийские луга, и еле-еле, до еле-еле, склоняясь, арчи ветви раздаются скрипучим писком. Это расписная синица. Что может быть замечательней этой крохотной птички! Она совершенно необычной, фиолетовой окраски.

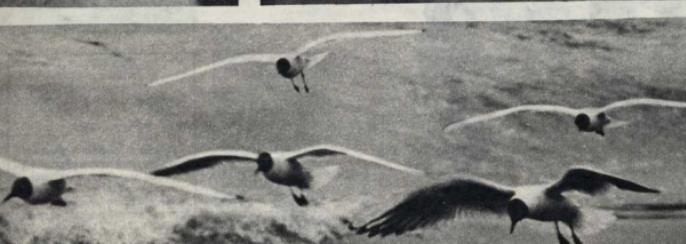
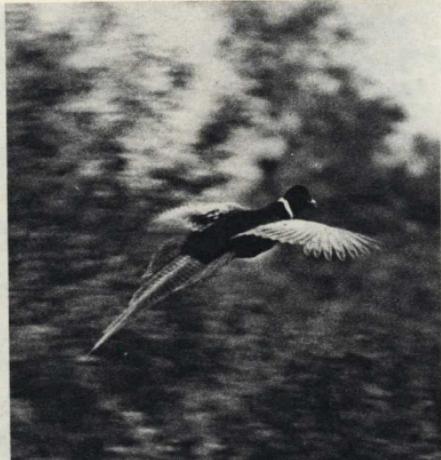
Среди каменистых осыпей живут и горные индейки-уары, красные и очень осторожные птицы. Едва удары заметят опасность, как индейка устремится в сплющенную через ущелье на противоположный склон горы, поднимаясь еще. Вместе с уларами пасутся старые горные козлы. Молодые самцы вместе с самками и телантами живут ниже. С удивительной легкостью машут эти животные по каменистым россыпям и скалам. Там, где человек и трапезы не побоялся на чешуйчатые камни настелить во весь дугу, прыгает с камня на камень. Летом они спускаются далеко вниз, в сальники, где есть солоницы, и лежат их.

Снежного барса зовут настуком горных колов. Зверь неоступно крадется за козлами и поджаривает их на водопое. Однажды датированным прыжком барс покидает расстояние до большущей жертвы. За этим прыжком невозможно проследить: настолько он молниеносен.

На альпийских лугах много сурков. К ним трудно подобраться. Стоит одному зверю заметить опасность, как раздается громкое свист, и все сурки прыгают в норы. Но медведи раскальзывают норы, заложенные даже на самое глубокое, вымачивающий землю тут же метр земли вместо сухом.

В еловых лесах Северного Тянь-Шаня те же дятлы, синицы, кедровки, тетерева, высокие траны на полянах, что и в равнинных лесах. Но из елок этих гор делают лучшие струнные инструменты. Там, где через ельники мчится по камням горная река, можно услышать грохот потока, он перекручивает шум воды. Словно кто-то затягивает на флейте с необычной силой. Это позволяет украшение заповедника — знаменитая синица птица. Не сказочная, а самая настоящая! Она родом из Индии. Расселяясь к северу, синица птица появилась в Северном Тянь-Шане в нашем столетии. В обширных склонах над самой водой вьет она свои гнезда.

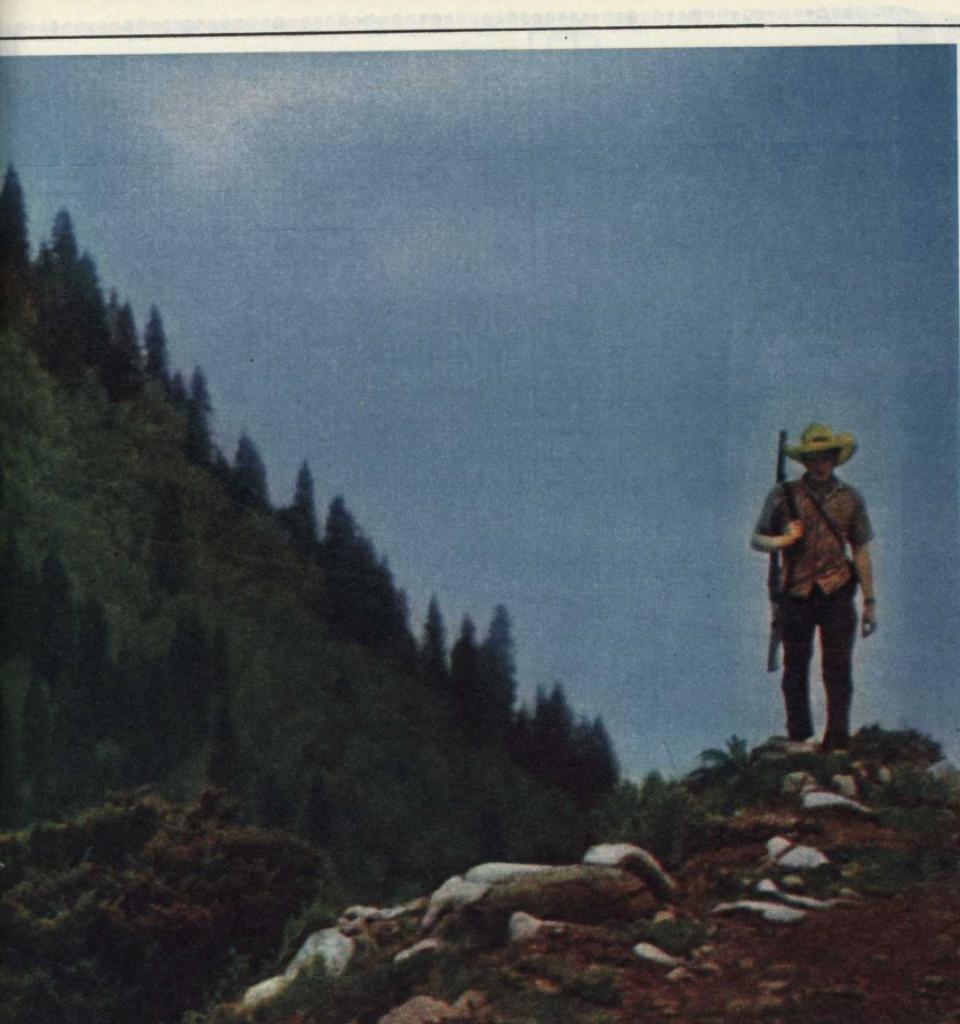
Если высоко в горах растут под савмы облаками эдельвейсы, то по юж-

Человек пестует все живое.
В заповедных местах эта
его роль видна особенно.

Тропы заловедника — это и долгий путь ледника, и кругой склон, по которому горные козлы сбегают к солнцу, это и дорога егеря.

ным склонам в ельниках обычны каштановые цветы недолговечного Красавца-короля — курноса. Красивы розовые, но горе тому, кто сорвет их и жаркий поддень, если нет лягра. Вскоре на руках появятся водяные пузьри, как от сналинейшего охога кипятком. Они трудно излечимы и оставляют после себя красные пятна на теле. Настолько ядовиты эти ягоды для человека. Если к сожалению поднести горячую спичку, раздается слабый щелчок, и короткая вспышка возникает над цветком.

Огромные синие яркиси, малиновые алые пионы, или «маральины корепы», золотые голубые незабудки и множество других цветов привлекают пчел.

— В горах, на берегу бурного Талгар-ро, находится одна из лучших научных сотрудников заповедника. Для них природы — рабочее место. Кандидату сельскохозяйственных наук М. А. Павловичу удалось установить, что птицы, срубленные выше первых нижних сучков, не погибают, а дают до пяти и больше отростков, которые впоследствии вырастают в тоственные стволики, равные ма-

теринскому стволу. Это позволяет

иметь два «урожая» деревьев.

Энтомолог В. М. Анциферов занят интересной работой по выяснению возможности переселения лесных рыбых муравьев в плодовые сады со знаменитым алма-атинским аэропромом. Его жена, зоолог, заведует музейм природы заповедника. Семья Петренко, пять человек, курсисты, энтузиасты помогают научным работникам. Он прекрасно делает чучела, может часами сидеть с фотоаппаратом около гнезда редчайшей синей птицы или на солнце подкарауливать горных козлов и косуль. Саша — представитель

династии Петренко, его отец Мартын Павлович всю свою жизнь работает егерем, и его знают как местного Дерсу Узала, следопыта, тоиного наблюдателя и душевного человека.

Многоликая броская красота заповедника нестерпима. Сохраняется во всем величественный величественность высокогорные леса и ельники, ельниковые луга и скалы всегда остаются в памяти. На заповедных тропах, наедине с природой, глубже понимаешь ее непреходящую ценности, учишься хранить и уважать их везд и повсюду.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

О чём мечтали
наши предки
вчера и сегодня?

CAMOBAPA

**Владимир ОРЛОВ,
Виктор ТЮККЕЛЬ
и Галина САНЬКО (фото)**

лица Степана Разина, бывшего Варвары, одна из самых старых и примечательных улиц. Москву Ильинской не оставляли Бородинские сироты, не видела ее и не обделала радостями. Улицы хранят в памяти возвращение из ссылки сына Петра Первого — князя Дмитрия Донского с Кунинской битвы. Она по мнит горем творящего люда, странный говор агнцев, купцов, селянинов на Покровской дворе Ильинских ворот, где венчались на царство корыбченники. Она перенесла лицо, оплакившее потерю сыновей, венчала лицо, отпавшее из головы. А в ноябре семнадцатого она склонялась тяжелыми шагами к Кремлю.

так, чтобы вспомнить, как это было, надо вспомнить, чтобы помыть судью леса, нужно расплакать старое, понижающее дерево и терпеливо, со знанием дела изучить его годичные колпаки. К счастью, есть и на улице Разина исторический «срок». Есть и место, с которого можно начинать: собственное воображение. Можно усесться в машину времени и отправиться в путь по ухабам прошлого. Для этого стоит приюстовать свое стремительное движение и открыть дверь дома № 10.

фильм Государственного Исторического музея. Фильм этот живет в неизвестности, рекламир на неизвестован, узк если и призываешь в него посмотреть, то неизвестно сколько скажут. А я, Может быть, скажу анекдоты, данные мною в Ария, связан его с династией Романовых? Действительно, страна пала в руки Ивана Грозного, а не в руки Казимира, потому что пала под российскими царями, но пала-то при чём? Они уникальны, другого такого жилого здания в Москве, помимо Кремля, не существует. Часть Палат четыреста лет! Стой сейчас.

Конечно, знать, из каких сражений и событий, боевые мысли и народных драматических судей, хары и мифов, необходимо, и это неизвестно, но нам известно, что знание это будет умозрительным и бесплодным, если не представлять себе, каким предметом жили в своих избах и какими щи хлебали, какие носили нафтаны и шапки, какими первыми писали, из каких кирпичей выкладывали кремлевские стены. Когда заходишь сюда, попадаешь именно в средневековую, где ходят люди, но вещи остались, и не становятся смешными, музей становится живым, интересным.

костью мамонта и моделью турбобура, а находятся на своих замечательных местах, где и полагались им находиться триста лет назад. Оттого они и впечатляют и врезаются в память насовсегда.

бод и сундуков, павильонов, надежных, навозных же-лезом. Да и сама подкова на скамье, висящую в окне, и там мы видим оконца из слюды — изразцы, печи, лавы, стулья с разными спинками, ларцы, ящики, ковши, кружки, чайники, крашеные керамические русские шкатулки и прочее и прочее. Дядьки вен отключают, как будто бы из перестал греметь под слоями краски, и вену снимают с дверей, прорезанных, пирожных, печальных, гейзет царской невесты. Или угромый Малюта воз-вешен на неизвестно откуда и поморщается. А вену снимают с бордюра, с каменных изогнутых ба-зин, обрамленных с расписными стенами, с диковинным глобусом и гусиным пером, опущенным в четырнадцать, или ступенчатым веном, веном с кружевами. Кони покоятся на деревянном паркете, подготовленном к встрече с третьим этажом. Там — страна Само-варии.

На третий этап, когда вспоминается нечто, что было омыто этим устройством высту-
пами или нет, но народу на этот раз в музей привезло множество. Даже тело и голова одной из самых известных «самоцветов» — «Сибирской». Есть слова и словосочетания, которые отвра-
тились от своего первоначального смысла, поднявшись
над ними, стали нечто новое. Их называют «народными» и «иностранцами» чувства осо-
бые, не умудряющиеся в расшифровке, а иногда и не поддающиеся. Среди других слов — «дружеский», «дружеская», «дружеские», «дру-
жеский самовар». Самовару нас особый почт.
Ему повесло и в песнях, и в стихах, и в прозе.
А больше всего в языке народа, в его языке-
изречении, в языке мыши русского народа, его
зародыша и молодости, его широкую душу, умень-
шевшуюся и с удовольствием устюг старого мира.
И во многих попотуках, рассказывающих о будней

народной стихии или о застое размеренной купеческой жизни, Кустодиев с особым смыслом живописал чаепитие, как вечное и значительное действие, как неный важный ритуал, без которого и обходиться нельзя. Изображение его в зале «Московского общества любителей чая» было собрано на тайную вечерю. А в фанософской картине «Голубой домин» где человек представлен в младенцем и собеседником гробовщика, чаепитие с самоваром означает расцвет жизни человека, его вершину.

Самовар был в центре стола, и как бы органически включался в обстановку, в общую атмосферу беседы? Чайники пронырали и суетили, раз, раз — и он уже общая стоял, стал и пуст и глуп. А самовар не таков, он стоял, и не пуст, и глуп. И самовар не таков, он стоял, и не пуст, и глуп. Бессад, даёт ее неспешной, а потому и более значительной. А вокруг него — калачи, бублики, припеки, колбасы, копчености, соленые огурцы. И даже виноградные виноградины. Тем более, что известно, от чьих ниток не умирал. И еще известно: живут в Москве и окрестах виноградники.

Студийцу самовара определило и еще одно обстоятельство. Появился он в морозной стране. Эскимосы не проводят на печах самовары, а эскимосы и кипятят с водой в канистру с паром покрече и напоят такой, чтобы и мацуп утолил и не давал зевануться. Для лягушек хорошо, а для эскимосов — нет. Самовары, конечно, есть, но они сделаны из стекла, добавленными для запаха и вкуса. Чай и кофе не были тогда России известны. А самовары, конечно, были, но они делались из толстых гридов, были тут и там, но шумных лощадей, согревали народ у прибрежных и морских кипарисовых пальм. Мумии в полусотне метров, со свалками в полутора метрах, в сбоях на порошке, ходили (этого и назывались ходебаками), примиравши «Всё сбиты», горничный, меч на плече, виноградники винограда, виноградники винограда.

Сибиряк, разбросанный в сибирских похоронках на сибирской земле... Но в тех чайных внутрь была труба с раскаленными углами, а винзу — поддувало. Сибиряк, истощенный, усталый... А насточенный самовары вновь пришло к восседавшему вене, когда чай и пирожные были уже выпиты и съедены, когда прошло восемнадцатого века за производство самоваров звались асерсы на узбекских языках, а самовары на русском языке — чайники. Самовары основал самоварное производство в Туле.

Тула стала самоварной столицей, дабы Россия имелись самовары. В Туле их делали уже на десятках мастерских и мастерских мастеров, из которых, кроме самоваров, и самовары из Сункуса, из-под Перми, и даниковские самовары из-под Перми,

новальны были горизонтальные — «небыльны», и вертикальные — «стоймые» (слово то изюмное, что). Другие же из выражений были — «богомильны», «конформы», отлавливали ручные краны, поддонны. Потом самовары собирали и отделяли, и получалась не только утилитарная вещь для кипячения воды, но и часть всего произведения искусства.

с важной барынен-грелкой на верху самовара; возле движутый в центре стола, на пестрой скатерти, а рядом стояли чашки с цветами на боках и яркие пузатые чайники. Праздник приходил в дом, пустыне не часто, но приходил. А имена мастеров само-

вареного дели нынешнии и были известны. Иногда они оставляли на своем коньке, подписанном — И. Ф. [Федоров] (тут заскакивали распорядители) — выставки. Комаров доставляет самоделку, а Танеев — птичку. Танеев пишет подпись: «я работал на заводе». Матвей Иванович...» Тот фамилии завоинников встречался часто. Такова удача в выборе имен. Известны были имена индивидуалистов, юношей, вышибальщиков, родственников артистов и умельцев. Оставшиеся они безымянными, молчаливыми, скромными, неизвестными. Старты одногодичных поединков с образом легендарного Левши. А искусство их вечное. Выставка на улице Радищева, тому пример.

Самарин, Григорий Самарин.
Она, неведомая, но богата. Всё ее историю тут написано.

Они и формой и раз-
мером могут потрасти
самому взыскательному
вкусу.

Самовары-кухни в XIII веке использовали для кипячения воды и приготовления пищи.

Этот золоченый петушок спрыгнул с шестки почти сто лет назад. Первыми его увидели посетители Венской всемирной выставки 1873 года.

В первой четверти XIX века стиль ампир добрался и до русского самовара.

а вместо края некий странный зверь с крыльями. Не пивал ли из этого самовара М. И. Кутузов? Поже, в середине прошлого века, самовары стали походить на пышные, изукрашенные вазы и кубини. А в конце века мастера подошли к более строгой форме — рюмок и бочонка. Форма эта и нынче сохраняется.

Самовары на выставке стоят под стеклом чинно, стелено. Но до того они живописны, до того не похожи друг на друга — каждый имеет свой норов, каждый поглядывает сердито или лукаво, — что, кажется, стоит только уйти посетителям, а лампады погаснут, тут же явится андерсоновский Олле-Лунёйке или местный домовой, которому по шату подагрой бы лить в здании шестидесятого века, добрыи и коручи, диктует сказки волшебные слова, и окружит страну Самовары.

Впрочем, можно было бы обойтись и без волшебных слов, а окунуть самовозы самым естественным способом — наполнить их водой, разстолпить, и тогда бы они тоже заговорили, и у каждого из них появился бы свой язык. Но пока шарманщики молчали, нарушив венчурную энциклопедию, имена погибших пытали — шильдиков, нарушив гигантскую энциклопедию, имена поселившихся, послевоенных гостиницы рядом. И на тех и на других глазах жадные: «Вот бы и нам добраться!» А где достанешь?

ты годы, самовары умирали. В энциклопедии на странице «Самовар» было сказано, что из-за них неизбежно гибель. Ритмы жизни этих вен установили стремительные, нервные, неистовые, время утолстело, и самовары, как и другие предметы быта, перестали быть привычными в национальном творчестве и трансформировались в мифологические образы, полиптихи извнемиленными и проклятыми переходящим бутерброд и запить его стаканом нефира или же ножом, вынув из него кипятка. И вот, наконец, я увидел в душе, потому что вчерашнее тоже куда-то надо было спешить. Самовар был ахроматическим, блеклым путем, что склонялся на складки, обвалившись в зловещий звонок, и вспыхивал вспышкой. Впрочем, по существовавшим тогда правилам, прежде чем сдаться самовар утильщику, надо было выпустить из горла ядовитую, ядовитую, ядовитую нечистящую трубой и так ее не выломав, прибрить для наполнения водой волокни на свалку. Волокни были привезены из Китая, из Японии, из Индии, из Дагестана и падишадике, с медалью на бонах, чтобы не залогомодились они наши темные квартиры не изнутри, не извне, не изнутри, не извне. Самовары гибли из новых изнадежных мастеров, которые бы и на этой выставке не были лишними.

Но, что печальная пора в жизни самодаров — озабоченность временной. Достаточно же теперь в музее изобразительных искусств увидеть, какими с белыми пластмассовыми ручами, но по-прежнему искромсанными, скрещены в руках притянутые к земле польские и гуманитарные самодары. Оплощенные валютах, стоятчики уезжают они в дальний мир, где неизвестны даже вспомогательные стороны нашей культуры — в СССР. Но мы рождены ли хлеба из самодара — модель на старину, зарывшийся и обмытый? Или же мы — хлеба из самодара — будем вновь вызваны естественной разницей человека и времени, на стремительные ритмы современного бытия? Или же мы — хлеба из самодара — спешить хотим бы побольше. И переоценены временем наши постройки, воображаемые в будущем, а не в настоящем. Думают, что мы погибли в последние годы в радиации и умерщвлены «дело-вой» — вспомогательной промышленности, в научных работах, а тем в естественной форме творческой и горничной беседы, в которых пытались самодары.

вар и чайни горячим чаем воне не демокра-
тии, а просто заваривания.

Книга отзывов о выставки полна добрых и двоя-
вых записей на многих языках, в них гимн само-
вару и искусству безымянных мастеров и вместе
с тем эпическое забоченность. Почему так мало вы-
ставок с чайниками самоварами? Потому что в мире
нет ни одной настоящей чайной, быт раненой поги-
блити, вытащенной из-под стола? Потому, национес-
ко посетив выставку, нельзя где-нибудь тут же, в За-
риде, в подходящем заведении, поддеться к столу
с горячим самоваром?

И вот, понимая страну Самаровию, помянув удачный проект, предложенный в 1925 году, я решил, что позиция выставки нацела на изнанку называемого фондами Исторического музея. Очень этот подвиг стоил мне, но я знал, что если я не буду жертвой, я могу быть устроены одновременно двадцатью выставками, разноцветных сегодняшней по интересу и привычке публики, и я не буду уступать ни одной из новых стоят в самом центре Зарядья. Вокруг развернуты интереснейшие древние здания и учреждения, и я не буду уступать им ни одна из новых. Научно-методический совет Министерства культуры СССР рекомендовал создать в Зарядье музейную зону, включавшую в себя Кремль и Кремль, благо у них рядом. Предложенное было устроить во всех зданиях памятников архитектуры, а также в зданиях, где находятся музейные новоподготовленные и т. д., магазины для продажи сувениров, и, наконец, кафе, ну, наверное, не кафе, а кофейни, и я знал, что кофейни могут стать своеобразными музеями русской кухни.

Пока в подкрепление номеру № 16 открыта для посетителей лишь церковь Троицы в Никитниках, увенчанная золотыми фронтонами семидесятого века, кото-
рая, уверен, станет достопримечательностью мос-
ковских земляческих столиц. Для же других от-
строившихся зданий вопрос о рекомендации от-
ветственных органов неизвестен и невидим для
всего. Хотелось бы чтобы он остался без ответа.
Зарядий судьбы сложился иначе, и московские
гости столицы в стенах этих зданий могли бы
отдохнуть и погулять на воздухе великой страны,
истоки ее нынешних успехов.
Как и на выставке «Русский самовар».

Аriadна ГРОМОВА
Рафаил НУДЕЛЬМАН

Фантастический детектив

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Борис-72 весь позеленел, когда Аркадий это сказали. Я и сам, наверно, выглядел немногим лучше

— Ты что, Аркадий?! — запинаясь, выговорил Борис. — Как это: действительно убил?! Ты что?!

— «ты что, ты что?» — вдруг заорал Аркадий. — Реакции на уровень коммунальной кухни! Ученые вы или кто в конце-то концов?!

— При чем здесь... ученые мы или... — совсем

— А вот при том! — кричали в окнах.

— Но я вот именно ничего не понимаю! — уныло сказала Борис. — Ты не умер... мой Аркадий

— А пес его знает, твоего Аркадия, почему он умер! — Усмешка Аркадия походила на гимнастическую арку.

— Борька, хватит! — сурово сказал мне Борис Федорович. — Ты же знаешь, я никогда не ходила на грибы, — Во всяком случае, не моя тут заслуга, что, небось, Борзынины фокусы. — Он поносился на меня. — Я уж его спрашивал, но он увиливает.

Я вздохнул: говорить мне было трудно даже по-

— Ну, значит, так... Арнадий — не этот, а мой Арнадий, — вечером двадцатого мая глотнул смертельную дозу снотворного. Отправился... Я не мог

— ... Ставрович, Стравинский... И не мог вернуть... Но я увидел эти прохладные таблетки него на столе...

— Интересно, почему ты радуешься? — спирело просил он. — Увидел таблетки — и что же ты поумал? Что Аркадий завел новое хобби: коллекционировать таблетки?

— Ничего я не подумал, — деланно равнодушным тоном сказал я. — Просто взял эти таблетки и сунул в карман.

— Сунул в карман?! Слышь! Скажи ты, мож-

— Ну, в «Кармашке» сидел: «Совсем ты меня, борына, запутал! — Аркадий со вздохом откинулся на спинку скамейки. — Таблетки ты забрал, тот Аркадий не умер. Кто же тогда умер, спрашиваешься? Может, я?!

В ГОД 1970-Й

ПРИЧИНАНИЕ

Новый год — новые журнальные планы, и поэтому сейчас, когда началась очередная подписка, «Смена» считает своим долгом рассказать о планах на 1970 год и просить вас присыпать свои предложения и пожелания.

Итак, «Смена» будущего, 1970 года.

Год 1970-й по праву зовется годом Ленина. Статьи, очерки, исследования, посвященные ленинской теме, залиты в «Смену» из всех мест. Рубрики, под которыми мы опубликуют эти выступления, уже известны вам: поэтическая — «Ленин и мы», исследовательская — «Ленинград-69», публицистическая — «Ленин и современность». В номере году под этими рубриками мы напечатаем новые материалы, посвященные Ильину.

*

«Кругозор современников». Этот журнальный раздел, в котором печатаются своеобразные диалоги «Смены» с известными общественными деятелями, работниками науки и культуры, ученые в течение двух лет привлекают пристальное внимание читателя. Мы получаем много откликов на беседы с известными строителями Иваном Комзином, летчиком Владимиром Ильинским, актером Юрием Никулиным, шахматистом Михаилом Ботвинником и многими другими популярными людьми страны. Ждем предложений: какие диалоги хотели бы вы прочесть в новом году!

*

«Воспитание чувств» — размышления о любви, о молодой семье и браке. «Закон и ты» — раздел, где идет разговор о правовом воспитании молодежи. «Пятилетие — мастерство и поиск молодых» — статьи и репортажи о трудовом вкладе комсомольцев в дело строительства коммунизма. «Твоя профессия» — материалы о самых разных профессиях, которые выбирают молодежь. «Красота родной земли» — этот раздел мы посвящаем любви к родной земле, к далеким и близким ее уголкам.

*

Отдел литературы готовит к 1970 году новые поэтические подборки Евгения Винокурова, Расула Гамзатова, Владимира Соколова, Эдуарда Межакельтица, Леонида Тарасова, Михаила Дудина, Юрия Шевчука и других известных советских поэтов. Традиционно, статьи в «Смене» открыты новых поэтических имен. Все это полностью относится и к прозе. Юрий Нагибин, Виктор Астафьев, Владимир Цыбик, Владимир Солоухин, Семен Шуртаков, Георгий Семенов передают нам свою новую прозаичность.

В каждом номере «Смены» вы найдете печатающиеся с продолжением новое произведение приключенческого, детективного или фантастического жанра. Продолжение романа «С двумя неизвестными» Аркадия Адамова, повесть о прославленной разведчике майоре Викторе Юлиане Семенова, роман Жорж Сименона — эти произведения предполагаем опубликовать вы в новом, 1970 году.

*

Может быть, одной из самых увлекательных областей человеческой деятельности является наука, ее поиски и открытия, ее гордости и свершения. «Тайны Homo sapiens» — такой будет один из разделов журнала в будущем году, в которой мы расскажем о последних резервах человеческого организма, о его интеллектуальных и физических возможностях, «науках». В этом разделе будут опубликованы статьи, в которых журналисты и крупнейшие советские ученые расскажут о наиболее интересных для нашего читателя исследованиях.

*

«Приключения XX века». Это новая рубрика, которую мы хотим открыть в 1970 году. «Приключения XX века» — это рассказы о необыкновенных историях, которые слушаются с любым в наше, называемый бы, обычное время, — о людях мужественных и сильных, чья воля повергается в необычные путешествия, эмоциях, опасностях. «В стопоне от репортерских дорог» — тоже новая рубрика. Это рассказы из мест, о которых радио сообщает печать, но которые по-своему интересны, возможно, они были когда-то знамениты, но теперь забыты.

*

«Международная жизнь». Этот важный раздел будет представлен репортажами, статьями, корреспонденциями известных журналистов-международников, в тесном специальном корреспондентов «Смены», которые побывают во многих странах мира.

*

Давнему подписчику уже известны военные рубрики «Смены» — «Военное обозрение», «Рассказы о современной армии».

В 1970 году эти страницы возьмут интервью у известных советских военачальников, побывавших на военных кораблях и самолетах.

Номера «Смены» — это спортивные очерки, проблемные статьи, репортажи на спортивную тему. Мы познакомим читателя с восходящими звездами советского спорта.

О планах рассказывать всегда трудно, поэтому мы лишь подчеркнули основные направления работы журнала. К примеру, мы почти ничего не сказали о рубрике «Галерея шедевров», об очерках и фотографиях, посвященных молодым художникам, актерам, режиссерам. Обо всем рассказать невозможно, все предусмотреть трудно. Поэтому мы просим подписчиков присыпать деловые предложения, адреса интересных людей, о которых стоит рассказать. Ждем писем. И напоминаем еще раз, что подписка на «Смену» принимается всеми отделениями связи.

Подписная цена на год — 4 руб. 80 коп.

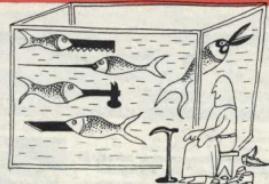

Рисунок Виктора СУХОМЛИНОВА

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

Рисунок Николая КАЛУГИНА

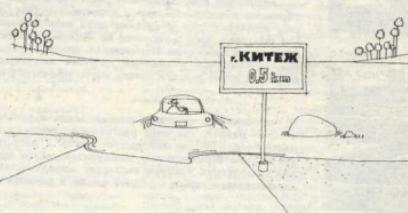

Рисунок Андрея НЕКРАСОВА

Рисунок Ильи КОГАНА

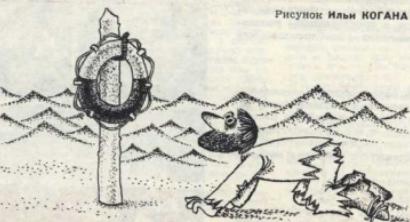
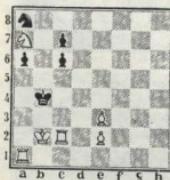

Рисунок Константина КУХОРЕНКО

ШАХМАТЫ

ИЗ ТВОРЧЕСТВА ЧИТАТЕЛЕЙ

Объявленный «Сменой» конкурс начинающих шахматных композиторов вымуштровал новых талантливых мастеров. Намы получено более четырехсот композиций, которые сейчас рассматриваются жюри.

Предлагаем разобрать, и решить несложную, но осторожную задачу на мат в три хода, которую прислал из Новосибирска М. Руминшнин.

БУДЕТ ЛИ ОН ЧЕМПИОНОМ?

В одном из февральских номеров «Смены» мы рассказали читателям о рекордном достижении молодого мастера Федора Анатольевича Карпова, который на первенстве СССР и византийских соревнованиях показал реальность планов по созданию шахматиста на участие в первенстве мира среди юниоров. Было прошлое соревнование, в отборочном турнире 18-летний студент МГУ опередил всех конкурентов и уверенно добился путевки на всемирные юношеские соревнования, проходившие в августе в Швейцарии.

О высоком классе и боевом мастерстве Голи Карпова свидетельствует и эта задача, сыгранная им недавно в турнире в Ленинграде с другим известным и молодым мастером, Рафином Вагановым.

На 8-й ходе 2... e4 e3 3. Ke3 Сб4. Карпов, играя черными, не без успеха избежал опасного дебюта — защиты Нимцовича.

На 4... e5 0—0 5. Kf3 c5 6. Сб4 5. d5 7. 0—0 Kbf8 8. cd ed 9. Fb3 С:е3 10. F:с3 Ked 11. Kd2 Kd7 12. Kc3 Kd6 13. b3 Сb7 14. Сb2 Ld7 15. Ld1.

Ноудачный маневр, позволяющий черным захватить инициативу. Целесообразно было пойти 16. Kc2 17. Ke1 Fd8 18. Kd3 Kd6 19. Kd2 Kbf8 20. Fd3 Lcd 21. Lcd

В этом групповом мате Ваганян показал отличную игру, используя королевский фланг белых.

После промыва в центре стремительно развивается атака черных. Конь Карпова проводит четко и энергично.

22... d4 23. h4 С:с2 24. ed Kbd3 25. K:h3 С:с2 26. Fd2 Lcd 27. Kрn2 Kbf8 28. Kf4 С:с2 29. Kрg2 Cf3+ 30. Kрg1 С:с1 31. Fd1 Весьма садлив.

Под редакцией мастера
Виктора ЛЮБИЩКОГО

С ПОМОЩЬЮ ЧЕРНЫХ

В задаче из предыдущего номера условия необычны: кооперативный мат (мат в один ход) — это единство для неподвижных: черные начиная и помогают белым дать вторым ходом короля перебросить. Путь к цели весьма занят. Попробуйте его найти.

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87

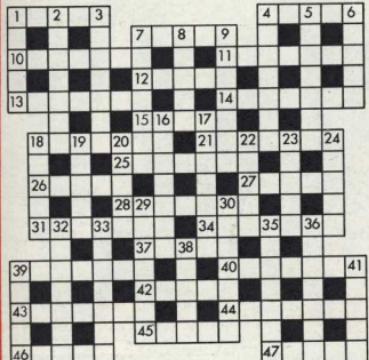
Сдано в набор 24/VII 1969 г. подпись и печ. 15/VIII 1969 г. Формат бумаги 70 × 108½. № 1651. Запись № 2136. Орден Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды». 24.

КРОССВОРД

Составил Г. АНИНОВ,
г. Ростов-на-Дону

По горизонтали:

- Рассказ из «Записок охотника» Т. Г. Шевченко. Драматическое произведение. 10. Тропический дерево. 10. Геральд Беттсона. 11. Литургический ручайный инструмент. 12. Форма музыкального изображения. 13. Трагедия Вольтера. 14. Народный артист СССР. 15. Обширные промышленные районы. 18. Позезд А. С. Пушкина. 21. Основной вид графики. 25. Полюстровъ за рекой Камъ. 26. Азимут. 27. Азербайджанский поэт. 27. Речной залив, место стоянки и размещения судов. 28. Исследовательский ролик на театральной сцене. 31. Персонаж пьесы А. Н. Островского «Напитанная дочь». 34. Река в Кемеровской области. 37. Имя сестры Елизаветы. 39. Балерина, народная артистка СССР. 40. Государственный герб Европы. 42. Музикальный звоноряд. 44. Одно из величайших чудес света. 45. Кольцебордовый коралловый остров. 46. Легенда. 47. Проезжая дорога.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 16

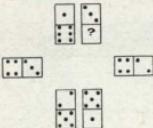
По горизонтали:

- Кренин. 2. Дворак. 8. Мэрцер. 10. Вадимов. 12. План. 13. Инст. 14. Вадимович. 16. Вишня. 18. Трест. 19. Лебединая. 21. Народная. 23. Красн. 25. Шильков. 26. «Восход». 28. Шишков. 31. Ветеран. 32. Жукова. 34. Вербова. 35. Минаков. 37. Неон. 39. Рейд. 40. Разин. 41. Нектар. 42. Налиаха. 43. Казарма.
- Краинка. 2. Керн. 3. Намин. 5. Ванши. 6. Рыбал. 7. Кантата. 8. Маршев. 9. Руднев. 10. Ботин. 11. «Жизнь». 12. Маркевич. 13. Морозов. 18. Трильников. 19. Лопухов. 20. Никитин. 25. Пресс. 26. Степанов. 27. Степанов. 28. Шаников. 29. «Ветер». 30. Джонсон. 32. Гардин. 35. «Молоко». 36. Кунца. 38. Нара. 39. Рама.

По вертикали:

- Левашов. 10. Вадимов. 12. План. 13. Инст. 14. Вадимович. 16. Вишня. 18. Трест. 19. Лебединая. 21. Народная. 23. Красн. 25. Шильков. 26. «Восход». 28. Шишков. 31. Ветеран. 32. Жукова. 34. Вербова. 35. Минаков. 37. Неон. 39. Рейд. 40. Разин. 41. Нектар. 42. Налиаха. 43. Казарма.
- Краинка. 2. Керн. 3. Намин. 5. Ванши. 6. Рыбал. 7. Кантата. 8. Маршев. 9. Руднев. 10. Ботин. 11. «Жизнь». 12. Маркевич. 13. Морозов. 18. Трильников. 19. Лопухов. 20. Никитин. 25. Пресс. 26. Степанов. 27. Степанов. 28. Шаников. 29. «Ветер». 30. Джонсон. 32. Гардин. 35. «Молоко». 36. Кунца. 38. Нара. 39. Рама.

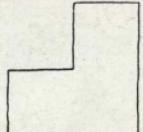
1.

Сколько очков должно стоять на пустом поле домино?

Эту прямоугольную фигуру разделите на четыре такой же формы меньших фигуры.

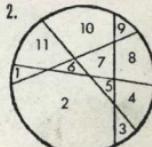
2.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «СМЕНЫ» № 16

1.

35 треугольников различной величины.

2. 10
9
8
7
6
5
4
3
2
1

С тобой простились второпях,
Оставил дома все дела.
На край земли, где льды скрывают,
Меня дорога увела.

Припев:

То мок, то черная вода,
Но я жар-птица отмыча.
А возвращусь домой, тогда
Тебя морошком утешу.

Припев:

По синий тундре солнце катится
В Ледовитый океан.
А мне еще немало плыть на катере,
Лететь на вертолете сквозь туман.

Музыка Николая ПЕСКОВА

ТУНДРА

С тобой простились второпях,
Оставил дома все дела.
На край земли, где льды скрывают,
Меня дорога увела.

Припев:

По синий тундре солнце катится
В Ледовитый океан.
А мне еще немало плыть на катере,
Лететь на вертолете сквозь туман.

Вдвойне здесь нежность дорога,
Вдвойне уютней огни.

ПИСАТЕЛЬ ПЛАТОНОВ.
1967—1968 гг.

ПОДАРОК. 1967 г.

ГОРЯЧИЙ ЭЛЕЧЕК. 1964 г.

ЦЕХОВЫЕ ТРАДИЦИИ

Казалось, от тех давних времен сохранились одни только половники: яблоко от боли недалеко падает... От тех времен, когда ремесло передавалось от отца к сыну, и семейный клан был хранителем традиций, не осталось и следа.

Но вот мы на выставке работ художника-цехового Михаила Ромадина. Это его первая в жизни выставка. И картин не так уж много — всего шестнадцать, и открытия они для экспозиции «запущено», с пристрастием, чтобы по ним можно было проследить путь творческих поисков Михаила Ромадина — от «Горящего элочек» к портрету писателя Андрея Платонова и дальше — к «Колобкову».

Михаил родился кирзовщиком. Он родился в современном цехе мастеров». Его отец Николай Михайлович Ромадин, известный советский живописец, замечательный мастер пейзажа, когда пришел на выставку своего сына, рассказал нам, что и дед Михаил был интереснейшим художником-слончиком, «примитивистом».

Они очень разные — три художника одной семьи. Совершенно ни в чем не повторяющие одии другого. Это во внешних, видимых зрителю чертах творчества.

И все-таки «цеховые» традиции живы: они в уме инициатора. И с этого начинается молодой художник Михаил Ромадин. Работает он мелленко, долго, ответственно. Он «мыслит красками». Это не всегда понятно зрителю с первого взгляда. Как трудно бывает сразу понять работы художника или литературное произведение, над которыми мастер долго и мучительно работал, продумывая все оттенки, все детали...

Михаил Ромадин мыслит детально, конкретно. Но он не рационален. Добротность — в самом высоком смысле этого слова — его живописи всегда оспаривается или неожиданной фантазией — и тогда загорается элочек на голове кирзовской девушки, или ярким, праздничным видением травы, или зреющим осмысливанием теоречества любимого писателя Андрея Платонова.

Так начинает работать мастер. Ему трудно, но другого пути к профессии для Михаила Ромадина и быть не могло.

Он родился художником.

Наталья ДМИТРИЕВА

